

Карл Шмитт в СССР

Михаил Киселев

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
лаборатория междисциплинарных гуманитарных исследований,
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
Адрес: ул. Софьи Ковалевской, д. 16, г. Екатеринбург, Российская Федерация 6209900
E-mail: mihail.a.kiselev@gmail.com

Статья посвящена проблеме восприятия К. Шмитта и его трудов в СССР. На работу Шмитта «Закон и приговор» 1912 г. обратили внимание еще в Российской империи, а уже в СССР в 1920–1940-е гг. советские читатели были ознакомлены с содержанием таких ключевых работ К. Шмитта, как «Политический романтизм», «Диктатура», «Духовно-историческое положение современного парламентаризма», «Политическая теология», «Понятие политического», «Эпоха политизаций и нейтрализаций», «О трех видах юридического мышления». Обсуждение этих работ было составной частью интеллектуальной жизни СССР в 1920–1940-е гг. При этом до 1933 г. советские теоретики права марксистской ориентации не только критиковали положения Шмитта, но и соглашались с некоторыми из них в части отношения к буржуазному государству и праву. Так, положительные ссылки на работы Шмитта можно найти у Н. И. Бухарина, П. И. Стучки, Ф. Д. Капелюша и И. Д. Ильинского. После 1933 г. работы Шмитта в СССР превращаются в объект жесткой критики, а сам он провозглашается ключевым фашистским теоретиком государства и права. При этом одним из главных критиков оказывается немецкий правовед-эмигрант К. Полак — будущий автор конституции ГДР. С конца 1940-х гг. сочинениям Шмитта из-за так называемой борьбы с «космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом» начинает уделяться все меньше внимания. В 1950–1970-х имя Шмитта фигурировало лишь в отдельных критических высказываниях, а работы советских авторов 1920–1940-х гг. о Шмитте фактически попали в сферу забвения. Новая волна интереса к Шмитту начинается только со второй половины 1980-х гг. и ее можно рассматривать уже в контексте интеллектуальной истории современной России.

Ключевые слова: Карл Шмитт, СССР, советское правоведение, интеллектуальная история, И. Д. Ильинский, К. Полак

Нет большой необходимости представлять Карла Шмитта (1888–1985) современному российскому читателю. Переводы его сочинений, равно как и споры о его идеях с начала 1990-х годов, стали неотъемлемой частью интеллектуальной жизни России, а количество отечественных публикаций о Шмитте перевалило уже за сотню. Современные исследователи фиксируют интерес к работам Шмитта на прострaнстве (бывшего) СССР, как правило, с середины 1980-х годов (Росси, 2008: 6), если не с начала 1990-х (Лапшин, 2012: 14). Это кажется логичным, учитывая факты политической биографии Шмитта как автора с правыми взглядами, который затем запятнал себя сотрудничеством с нацистами. Такое отношение проистекает из упрощенного восприятия советской интеллектуальной жизни, в немалой сте-

пени сформированного под влиянием позднего сталинизма, благодаря которому «советский марксизм рассматривался сквозь призму догматизма и сталинского диамата» (Пензин, Чехонадских, Чухров, 2017: 298). Однако, как предполагается показать в настоящей статье, реалии советской интеллектуальной жизни были сложнее, пусть в значительной степени они и определялись актуальным политическим контекстом, связанным как с внутренними процессами, так и с внешней политикой. Мы рассмотрим сочинения такого несветского автора, как Шмитт, в качестве составной части советских рассуждений о государстве и праве и постараемся показать, что беседующие в Москве 1930-х годов о шмиттовских идеях два советских адвоката были не фантазмагорией, достойной булгаковского пера, а реальностью России. После мы постараемся объяснить, почему факты такого рода оказались в итоге в сфере интеллектуального забвения.

Вначале необходимо обратиться к истории Российской империи, для интеллектуальной среды которой с начала XVIII века важную роль играли культурные связи с немецкоязычным миром. И.Д. Левин (1901–1984), один из будущих советских читателей — и критиков — К. Шмитта, учившийся на философском отделении Московского университета в 1919–1922 годах у И. А. Ильина (1883–1954), С. Л. Франка (1877–1950) и Г. Г. Шпета (1879–1937), вспоминая интеллектуальную атмосферу уходящей «старой» России, писал: «Эта Россия была нераздельной частью Европы, или, скорее, путь через нее вел к Европе, особенно к Германии, которая в то время была второй духовной родиной. Достаточно перечислить семинары: Кант, Гегель, Гуссерль, Коген, Спиноза, Лейбниц, Бергсон» (Левин, 1991: 288). К этому можно добавить, что составной частью такой интеллектуальной *Германии* был и марксизм.

Неудивительно, что в России стали объектом внимания уже первые работы молодого Шмитта. Так, в марте 1911 года в Санкт-Петербурге Ф. О. Ельяшевич (1877–1941), изучавшей в начале XX века право в Германии, был опубликован реферат первой печатной шмиттовской статьи, посвященной правомерности врачебного оперативного вмешательства и вышедшей примерно за месяц до этого, в феврале (Ельяшевич, 1911: 281–285). В 1912 году Шмитт издал свою первую книгу «Закон и приговор» («Gesetz und Urteil»), и в сентябре того же года выпускник юридического факультета Петербургского университета, ученик автора психологической теории права Л. И. Петражицкого (1867–1931) М. Я. Лазерсон (1887–1951) напечатал на нее критическую рецензию в российской еженедельной юридической газете «Право» (Лазерсон, 1912). Эта же книга удостоилась в 1916 году отдельного разбора в статье специалиста по римскому праву и цивилиста И. А. Покровского (1868–1920). Последний критиковал Шмитта за идею, что судья в своей деятельности должен ориентироваться прежде всего на *эмпирическую действительность* юридической системы, т. е. на те толкования закона, которые приняты основной частью судебной системы. Покровский же полагал, что судьи должны руководствоваться правовыми идеалами (Покровский, 1916: 23–26). Можно только догадываться, как бы последующие работы Шмитта стали восприниматься в России,

равно и о том, какое направление приобрела бы шмиттовская мысль, если бы не Революция 1917 года. Однако случилось то, что случилось.

Приход большевиков к власти осенью 1917 года привел к существенным сдвигам в интеллектуальной среде на пространствах бывшей Российской империи, интегрированных в 1922 году в СССР. Большевики, совершившие, по словам А. Грамши (1891–1937), «революцию против „Капитала“» К. Маркса, столкнулись с проблемой выработки новых теорий во всех областях общественных и гуманитарных наук с учетом изменившихся реалий.

Если говорить о сфере государства и права, то для большевиков вызов заключался в том, что в условиях ненаступления всемирной революции идея отмирания государства потерпела крах. Еще в 1918 году один из ведущих теоретиков большевизма Н.И. Бухарин в рецензии на известную работу В. И. Ленина «Государство и революция» провозглашал: «В переходный момент между капитализмом и социализмом нужна классовая диктатура пролетариата, пролетарское государство, для того, чтобы **додушить** буржуазию, нужно орудие угнетения против буржуазии. <...> Пролетарская диктатура — это... **государство-коммуна**, без полиции, без постоянной армии, без чиновничества». Что же касается коммунизма, то при его наступлении должно произойти отмирание государства: «Никакого государства не будет в коммунистическом строе» (Бухарин, 1918: 19). Однако когда к началу 1920-х годов стало ясно, что победа *всемирной революции* запаздывает, произошел переход к *Новой экономической политике*, предполагавшей серию компромиссов со «старым миром» в экономике, управлении, науке и культуре, пусть и с сохранением контроля над государственным аппаратом со стороны одной партии и при запрете всех остальных. Стало понятно, что даже *государство-коммуна* оказывается преждевременной мечтой и что необходимо создание советского государства с полноценным чиновничеством, полицией и системой правосудия, равно как и соответствующих концепций советского государства и права. При этом допускалось — на временной основе — привлечение специалистов-немарксистов. Как результат, в 1920-е годы в СССР работали научные и научно-образовательные центры, в части из которых допускалось сотрудничество с «бывшими», с *буржуазными специалистами*. В другой же части, связанной прежде всего с Социалистической (с 1924 года — Коммунистической) академией, должны были господствовать представители марксизма-ленинизма.

К 1917 году большевистская теория государства и права находилась в зачаточном состоянии. Волею судеб на роль одного из главных теоретиков в этой сфере был выдвинут П. И. Стучка (1865–1932), выпускник юридического факультета Петербургского университета (1889) и фактически первый народный комиссар юстиции СНК, под руководством которого в конце 1917 г. началась реформа суда¹. Именно Стучке в 1921 году Оргбюро ЦК РКП(б) поручило создать первый совет-

---

1. Формально первым народным комиссаром юстиции декретом II Всероссийского съезда Советов от 8 ноября (26 октября) 1917 г. был назначен другой выпускник юридического факультета Петербургского университета Г. И. Оппоков (Ломов) (1888–1938), однако он не прибыл в Петроград из Москвы,

ский учебник по общей теории права, результатом чего стала публикация в том же году книги «Революционная роль права и государства». С 1923 года он являлся председателем Верховного суда РСФСР, а также руководителем секции общей теории права и государства Социалистической (с 1924 года — Коммунистической) академии, главного центра нового марксистско-ленинского правоведения (Плотниекс, 1978: 126, 209). В начале 1922 года Стучка констатировал: «„Гром не грянул“, марксист не обращал внимания на вопросы теории права и государства. Для теории государства потребовалась революция 1917 года, для теории права и того больше: контрреволюционные течения в связи с НЭП. <...> Мы лишь ныне начинаем спорить о вопросах права. А где только спорят о новом понимании, там властвует в головах еще старое» (Стучка, 1922: 164). Сам Стучка прилагал максимальные усилия, чтобы преодолеть это старое.

В рамках такой борьбы в 1927 году П. И. Стучка заявил, что «надо выработать новые способы применения и истолкования законов и вообще норм права», а также научиться «гибко применять и истолковывать закон и нормы права, нисколько не нарушая самой устойчивости оборота, а, скорее, наоборот: его укрепляя». В связи с этим он ставил вопрос: «Какова в этом отношении задача нашего суда?» И в ответе на него ему помогла... работа К. Шмитта «Gesetz und Urteil!» Стучка писал: «Довольно метко вопрос ставит один германский автор (Шмитт). По его словам, для правильной мотивировки судебного решения важны два вопроса: в чем они (судьи) хотят убедить и кого? При германских условиях он отвечает: остальных судей как высшей инстанции, имеющей право отменить это решение, так и равных судей, в смысле самолюбия, создания прецедента, чувства классовой солидарности». Соответственно, по Стучке, советский суд «должен убедить суд вышестоящий». Правда, далее он, как большевик, добавлял: «Но он должен убедить и своих избирателей и свою партию и, наконец, свою революционной законностью приобрести доверие среди широких масс трудящихся, в том числе и крестьянства. Конечно, этих масс в целом, а не отдельных людей только» (Стучка, 1927: 214–215).

Получалось, что П. И. Стучка, ключевой и наиболее авторитетный — после В. И. Ленина — раннесоветский теоретик нового, революционного права, а также важный функционер одобрительно высказался о К. Шмитте в той части, в которой с ним был не согласен буржуазный ученый И. А. Покровский. Если последний видел проблему в ориентации судьи на эмпирическую действительность, то для Стучки это выглядело преимуществом, так как означало ориентацию на убеждение масс трудящихся как высшей юридической инстанции, своеобразных судей судей. Итак, для советского большевика Шмитт оказался своеобразным союзником в борьбе за новое понимание права и государства.

В связи с этим неудивительно, что в 1928 году в издававшемся возглавляемой Стучкой секцией общей теории права и государства Коммунистической академии журнале «Революция права», редактором которого был также Стучка, вышла ре-

---

в связи с чем на эту должность 16 ноября назначили Стучку, который и стал одним из авторов Декрета о суде № 1 от 22 ноября 1917 г., упразднившего практически все прежние судебные учреждения.

цензия на второе издание книги К. Шмитта «Духовно-историческое положение современного парламентаризма»². Текст, подписанный инициалами «С. Н.», открывался таким заявлением: «Рецензируемая монография Шмитта может быть отнесена к числу наиболее любопытных образчиков буржуазной литературы о парламентарном строе» (С. Н., 1928: 150–151).

Прежде всего в рецензии указывалось, что Шмитт пытался «провести некоторую грань между парламентарским режимом и демократией». *Существо* последней, по Шмитту, было «в однородности правящих и управляемых, в устраниении и в отрицании всего „гетерогенного“». При этом «Шмитт не склонен „вульгаризировать“ существо демократии, усматривать основы демократизма в экономическом равенстве. Но все же он не может не сознаться, что большое экономическое неравенство способно „уничтожить политическую однородность или повредить ей“». Что же до *абстрактного равенства* «людей, как людей», то для Шмитта «это не демократический, а либеральный принцип. Основа демократии в „субстанциональном равенстве“, в равенстве по существу». Раз так, то «парламентаризм как государственная форма» обязан своим возникновением *либерализму*. Ведь «существенная черта парламентаризма — не в наличии парламента, определяющего деятельность исполнительной власти, и представляющего национальную волю, а “в динамически-диалектическом” процессе, т. е. „в процессе сопоставления противоположных мнений, из которых, как результат, рождается правильная государственная воля“». Однако в этом и состоит проблема современного парламентаризма: «С развитием партий парламентаризм перестали быть теми органами, где решаются теперь вопросы государственного значения. „В некоторых государствах парламентаризм, говорит Шмитт, — свелся уже к тому, что и все общественные дела (Angelegenheiten) сделались объектом торга (Beute) и компромисса партий <...>. Исчезла и аргументация в собственном смысле, которая характерна для настоящей парламентарской дискуссии. Его место занял трезвый учет интересов удельного веса в переговорах партий“». Итак, в излагаемой шмиттовской логике «парламентаризм вместе с отпадением публичности и дискуссии потерял свою духовную базу» (С. Н., 1928: 151).

В результате анализа шмиттовских идей рецензент пришел к заключению, что автор «правильно связывает его судьбу с эпохой либерализма, который он, однако, понимает не как этап в развитии буржуазного общества, а как особую метафизическую систему». При этом взгляды Шмитта на сущность демократии заслужили сдержанную похвалу рецензента. Ведь «отказываясь во „всеобщем, равном...“ видеть существенный признак реальной демократии, автор лишний раз убеждает нас в возможности существования реальной демократии только для определенно-го класса». Иное дело, что Шмитт, по мнению рецензента, не понял сути демократической диктатуры пролетариата (С. Н., 1928: 151–152). Таким образом, шмиттовские идеи вполне пришлись по вкусу в Комакадемии не только в части проблемы

---

2. См. современный перевод Ю. Ю. Коринца: Шмитт, 2016а.

соотношения закона и приговора, но и в критике западноевропейского парламентаризма.

Иное дело, что далеко не все советские юристы, читавшие К. Шмитта, были в курсе всех тонкостей его политических взглядов и деятельности. В том же номере «Революции права» за 1928 год в другой рецензии, подписанной инициалами «М. Р.», было помещено такое довольно курьезное упоминание «Диктатуры»:

Не так давно один из социал-демократических теоретиков написал специальное историческое исследование о комиссарской диктатуре (С. Schmitt, Die Diktatur, Munchen und Leipzig, 1928), очевидно, предполагая обосновать... печально-знаменитый тезис К. Каутского, что «тип диктатуры, как формы правления, это — *личная диктатура*. Классовая диктатура, как форма правления, это — нонсенс» <...> Результаты этого исторического исследования... теоретически бессодержательны и бесплодны. (М. Р., 1928: 146)

Стоит полагать, что Шмитта позабавило бы превращение его в *социал-демократического теоретика* и последователя К. Каутского.

К концу 1920-х годов интерес к сочинениям Шмитта проявили не только правоверные марксисты-ленинцы, связанные с Коммунистической академией и П. И. Стучкой. В 1928 году в издававшемся Институтом советского права Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) журнале «Советское право» была опубликована обзорная статья сразу о трех ключевых книгах Шмитта, выходные данные которых давались для советского читателя в таком переводе — «Политическое богословие. Четыре главы к учению о суверенитете» (1922), «Политическая романтика» (2 изд. 1925 г.) и «Диктатура. От истоков современного учения о суверенитете до пролетарской теории классовой борьбы» (2 изд. 1928 г.). Ее автором являлся член Московской коллегии защитников и преподаватель нескольких вузов И. Д. Ильинский (Брук) (1892–1938), бывший эсер, который в 1920-е годы стал активно писать по проблемам теории права с марксистских, как ему казалось, позиций. Конечно, на страницах упомянутого выше комакадемовского журнала «Революция права» ему указывали, что он принадлежит к числу *теоретиков*, «мнящих себя марксистами», которых «нельзя даже „выслать“ за пределы марксовой теории, как людей, в этих пределах не обретающихся» (В. К., 1927: 217). Однако еще действовали идеологические послабления периода Новой экономической политики, благодаря которым и существовал Институт советского права РАНИОНа, бывший пространством сотрудничества беспартийных ученых (из которых далеко не все считали себя даже марксистами) с коммунистами от юриспруденции. Последних результаты такого сотрудничества отнюдь не радовали. В итоге уже в 1929 году — в год Великого перелома — журнал «Советское право» был закрыт, а Институту предъявлено следующее обвинение: «Коммунисты, научные работники, были использованы специалистами-немарксистами для создания из института идеологического центра, в котором немарксисты отсиживались от наступающего воинствующего марксиз-

ма» (К. А., 1929: 146). Как результат, в 1930 году Институт был влит в Институт советского строительства и права Коммунистической академии. Так или иначе, Ильинский успел воспользоваться последними нэповскими послаблениями, в том числе и для того, чтобы изложить советскому читателю свое понимание политико-правовых идей К. Шмитта 1920-х годов.

Говоря о немецкой юридической литературе послевоенного периода, И. Д. Ильинский указывал, что в ней «с каждым годом все заметнее качественно и количественно становятся работы, органически вырастающие из современности и в самых дебрях исторического прошлого ищущие материала для разрешения вопросов нашего времени. Особенно это относится к работам по общей теории права и государства. Если раньше юрист, работающий в этой области, теснее всего соприкасался с философией, то сейчас его мысль питается прежде всего влияниями, идущими от политики и науки о народном хозяйстве». Как раз «одним из интереснейших представителей этой новой формации немецких юристов» для Ильинского и был «профессор Боннского университета Карл Шмитт». Отметив, что Шмитту «принадлежит целый ряд работ, коих центральной осью служит вопрос о власти, о способах ее завоевания и удержания», Ильинский утверждал: «В строгом смысле слова, эти темы идут не к науке о государстве, а к учению о политическом искусстве. Так ставились они еще у Аристотеля, Макиавелли». Тем не менее, подчеркивал он далее, «Шмитт — все-таки юрист; мысль его все время колеблется между правом как способом удержания власти, и властью как средством укрепления права». В связи с этим Ильинский делал следующий комплимент Шмитту: «Но и на крайних точках этих колебаний ясное сознание действительности не покидает автора, и это придает многим его выводам... острый и злободневный характер». При этом он отмечал, что «Шмитт добросовестно и небезуспешно пытается очистить понятия государственной науки от богословских и романтических примесей. Мысль автора... тяготеет более всего к вопросу о власти и смежным с ней вопросам суверенитета, революции и контрреволюции, диктатуры и исключительного положения». Раз так, то «ему приходится, по выражению Энгельса–Ленина, иметь дело с весьма грубыми материальными вещами. Этот материал не позволяет автору слишком далеко залететь в выси юридических умозрений» (Ильинский, 1928: 122–123).

Дав такую общую характеристику подходу Шмитта к праву, Ильинский перешел к анализу его конкретных работ. Рассуждения о шмиттовской *небольшой книжке* открывались так: «Начинается она следующим кратким и выразительным определением: „Тот является носителем верховной власти, кто решает вопрос о необходимости исключительности“. Этим читатель сразу вводится в существо дело»³. Излагая мысли Шмитта, Ильинский писал:

---

3. В современном переводе Ю. Ю. Коринца: «Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» (Шмитт, 2000: 15). Ср. также новейшую редакцию перевода: «Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» (Шмитт, 2016б: 8).

Для сохранения своего бытия государство может выключить действие всего правового порядка в его совокупности. Суверенный орган и есть тот, который решает, что приспели время и обстоятельства для такого внеправового акта. Природа суверенитета лежит не в монополии принуждения или власти, а в монополии решения. Поэтому учение об исключительном положении представляет для государствоведа более острый интерес, нежели учение о нормальном, правоммерном ходе государственной жизни. Наблюдая последний, мы не замечаем истинных движущих пружин государственного бытия. Они вскрываются лишь в исключительном акте.

Далее читатель знакомился со шмиттовской критикой Г. Кельзена (1881–1973) и Г. Краббе (1857–1936). Отметив, что суть критики Шмитта состоит в следующей идее: «В каждом данном обществе следует спрашивать не о цели принуждения, но о том, кто его осуществляет», — Ильинский не без снисходительности хвалил немецкого юриста, который «не дошел еще до четкости классового понимания природы права, но сделал крупный шаг по направлению к ней» (Ильинский, 1928: 124–125).

Ильинский так отзывался об анализе Шмиттом гоббсовских идей в «Политической теологии», которые там противопоставлялись прежде всего *нормативизму* Г. Кельзена: «После путаных выкладок неокантианской алгебраистики читатель вместе с автором отдыхает на простых, ясных, как день, положениях политической философии Гоббса: „Право создается не истиной, но властью“. Всякие попытки выйти за пределы этой грубой материалистической теоремы неизбежно приводят в обманчивое царство понятий, которые за своей внешней пышностью скрывают абсолютную бесплотность и тем напоминают порождения богословской мысли». Далее Ильинский излагал исторические наблюдения Шмитта по истории европейских правовых понятий:

Из них одни явились плодом исторической преемственности между богословской и правовой догматикой. Таково понятие всемогущего бога, преобразованного юристами в столь же всемогущего законодателя. Другие обнаруживают родство с богословием в своем систематическом строении. Исключительное положение для юриста то же, что чудо для богослова. Идея правового государства, подчиняющая правовому нормированию всякий акт верховной власти, есть юридический рефлекс учения деистов о миропорядке, из которого изгнано всякое чудо. (Ильинский, 1928: 125)

После этого Ильинский перешел к изложению взглядов Шмитта на *политическую романтику*⁴, для которой, «по мнению Шмитта, характерно отсутствие логики, последовательности, связанности. Романтизм ненавидит изыскание причин, в особенности причин общих. На место закономерности он ставит случайность <...> Романтик в государстве, как и во всем, усматривает лишь повод для эстетического любования, для свободного творчества линий, фигур и цветов». Актуали-

4. См. современный перевод Ю. Ю. Коринца: Шмитт, 2015.

зируя для советского читателя эту критику *романтизма* в политике, Ильинский замечал: «Маркс со всей силой уничтожающей критики обрушивался на романтического врага, осознавая опасность, которая кроется в проповедуемом романтиками отрыве от действительности». Далее он переходит к вопросу о классовой природе *романтизма*, отмечая, что «Карл Шмитт считает новую буржуазию классовой носительницей романтизма и пытается связать этот вывод с теорией изолированного человека, пронизавшей всю буржуазную экономику и юриспруденцию», он высказывал свое несогласие. По Ильинскому, *романтика* «не была ни главным, ни даже существенным оружием для буржуазии в целом. И лишь некоторые слои буржуазной интеллигенции, богема мысли и жизни, приняли всерьез политическую романтику», ибо она придавала им ощущение *исторической весомости*, «не требуя ни серьезных умственных усилий», ни значимых политических действий. В связи с этим Ильинский вновь обратил внимание советского читателя на эту проблематику: «Та же история повторяется в наше время (с революционными романтиками, никак не могущими вжиться в эпоху будничной хозяйственной стройки) и будет повторяться... неоднократно» (Ильинский, 1928: 127).

После этого Ильинский перешел к *диктатуре*⁵ по Шмитту, которая «не есть уничтожение права, но, несомненно, — уничтожение правовой схоластики. Право создается, применяется и охраняется диктатурой, поскольку это отвечает ее целям». В этой логике «диктатура есть обеспечение правопорядка в целом за счет жертвования отдельными его нормами». Ильинский указал на выделение Шмиттом двух видов *диктатуры* — *суверенной* и *делегированной* (или *комиссарской*), а также познакомил советского читателя с политически актуальной трактовкой Шмиттом чрезвычайных полномочий президента Германии в Веймарской конституции (Ильинский, 1928: 128, 130).

В связи с этим Ильинский писал: «Когда юристы усиленно заботятся о юридическом оформлении диктатуры <...> это значит, что поводов для такого оформления имеется больше, чем достаточно. Когда при том юридическое оформление сводится к разрешению верховной власти от всяких правовых уз <...> это значит, что социальное содержание грядущих событий не может вестись в какие бы то ни было правовые рамки». В итоге он отдавал должное чувству *действительности* К. Шмитта: «Буржуазная юриспруденция сбрасывает старые проржавевшие доспехи и брэнчащие подвески богословского и романтического мышления. Они сменяются простым и хорошо рационализированным орудием диктатуры, не связанной никаким законом и опирающейся на вооруженную силу. Гаубица и пулемет вместо комментированного издания Веймарской Конституции — что же, это имеет все преимущества ясности, а ясность всегда желательная не только со стороны друзей, но еще больше того — со стороны врагов» (Ильинский, 1928: 130–131).

После 1929 года возможности для публикации у авторов, не зарекомендовавших себя как ортодоксальные марксисты-ленинцы, существенно уменьшились.

---

5. См. современный перевод Ю. Ю. Коринца: Шмитт, 2005.

Тем не менее некоторые лазейки для высказываний еще оставались. Одной из них было написание статей для «Энциклопедического словаря» братьев Гранат. М. Г. Рабинович, внук И. Н. Граната, в руках которого находилось редактирование этого издания в 1920–1930-е годы, вспоминал: «Странное для того времени издание был этот словарь. Издавало его не государственное, а кооперативное издательство „Русский библиографический институт Гранат“ <...> Как мог сохраниться такой словарь в цензурных условиях двадцатых и особенно — тридцатых годов? До конца тридцатых годов помогало то, что в нем когда-то сотрудничал Ленин» (Рабинович, 2005: 128–129). Одним из авторов, привлеченных к работе над этим словарем, стал Ильинский. Так, он написал статью «Республика», которая была напечатана в 1932 году. В ней Ильинский, рассуждая о современных *республиках*, заявлял, что идет процесс их монархизации, когда «их неофициальные главы управляют без срока, а официальные снабжаются тем политическим оружием, которое сами изобретатели его, римляне, доверяли не постоянным (консулы), а чрезвычайным (диктаторы) носителям власти». В связи с этим автор указывал, что «юристы, следуя за далеко опередившими их развитием политических событий, вынуждены уже ставить вопрос о правовых предпосылках диктатуры и формах ее осуществления, как основной вопрос современной теории республиканского государства (Карл Шмитт)». Такова «эволюция» *республики* «трестобанковского капитала». И, соответственно, в списке рекомендуемой литературы по теме *республики* он, помимо прочего, предложил шмиттовские «Die Diktatur», а также «Verfassungslehre» («Учение о конституции») 1928 г. (Ильинский, 1932: 557)⁶. Отсылки к Шмитту, как к одному из «авторитетнейших представителей современного буржуазного государствоведения», содержались в статьях «Автономия» (Ильинский, 1936а: 49) и «Административное право» (Ильинский, 1936б: 217–219), напечатанных в 1936 году.

Конечно, Ильинского едва ли можно назвать советским шмиттианцем. Тем не менее работы К. Шмитта его заинтересовали, он следил за его творчеством и, что наиболее важно, сообщал о них советскому читателю. При этом Ильинскому, считавшему себя марксистом, ряд шмиттовских суждений в части критики нормативизма, политической теологии и романтизма вполне пришлись по вкусу. Ему крайне импонировало шмиттовское обращение к реальности при анализе политико-правовых феноменов, пусть это и совершалось *врагом*, научившимся кое-чему у марксизма. Соответственно, в рассуждениях Шмитта о диктатуре и чрезвычайном положении Ильинский видел подготовку со стороны классового *врага* к грядущим сражениям. С учетом того, что, по Ильинскому, *пролетариат* отбрасывал *легализм* и стремился к осуществлению *права на революцию*, это была — для него — вполне честная классовая позиция. Таким образом, по его мнению, ценность чтения шмиттовских работ состояла и в критике старых представле-

---

6. Печальная примета времени: когда в 1939 г. том со статьей И. Д. Ильинского «Республика» переиздали, его фамилия как репрессированного автора исчезла из книги, хотя в статье остались и упоминания К. Шмитта, и ссылки на его работы.

ний о государстве и праве, и в понимании устремлений европейской буржуазии. В таком двойственном восприятии, как и в возможности его высказать, вполне проявлялась интеллектуальная специфика периода НЭПа с его *буржуазными специалистами* и «попутчиками», чьи интеллектуальные ресурсы разрешалось использовать для социалистического строительства без доверия им при постановке политических целей.

Впрочем, с конца 1920-х годов у И. Д. Ильинского уже не было столько возможностей для высказываний о Шмитте. Более того, конец его жизненного пути трагичен: во время Большого террора он был арестован и после того, как соответствующий расстрельный список утвердили члены Политбюро ЦК ВКП(б), включая И. В. Сталина, в 1938 году казнен.

В 1928 году уже на страницах главного марксистского журнала по философии в СССР «Под знаменем марксизма» был опубликован отклик на вышедшее в 1927 году первое издание (тогда еще в виде статьи) шмиттовского «Понятия политического»⁷. Его автором был Ф. Д. Капелюш (1876–1945), известный до 1917 года переводами сочинений К. Маркса (1818–1883), К. Каутского (1854–1938) и В. Зомбарта (1863–1941). Дочь старых большевиков Е. Я. Драбкина (1901–1974), бывшая в 1917–1919 годах секретарем Я. М. Свердлова (1885–1919), писала в мемуарах, что Капелюш — это «один из образованнейших марксистов в нашей столь богатой образованными марксистами партии» (Драбкина, 1990: 316). В 1920-е годы Капелюш увлекся социологией религии, в связи с чем неплохо проштудировал сочинения М. Вебера (1864–1920). Кроме того, в 1920–1930-е годы он регулярно публиковал обзоры иностранной литературы на страницах ведущих советских журналов, включая издававшийся при ЦК ВКП(б) «Большевик». Именно в последнем Капелюш в 1925 году напечатал статью о либеральном экономисте Л. фон Мизесе (1881–1973) как «теоретике фашизма».

Обозревая соответствующий выпуск журнала «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», в котором и было напечатано «Понятие политического», Капелюш со ссылкой на «Политическую теологию» отметил, что К. Шмитт «находится под влиянием идей проф. Макса Вебера». Разбирая опубликованную в этом журнале статью Г. фон Шульце-Геверница (1864–1943) «Духовно-исторические основы англо-американской мировой супрематии», Капелюш писал, что в ней помещен «интересный материал о религиозных корнях современной (буржуазной) демократии», и не без сочувствия приводил следующую цитату из «Политической теологии»: «„Все понятия современного учения о государстве, — говорит проф. К. Шмитт, — являются секуляризованными (обмирщенными) богословскими понятиями“»⁸. Касательно же статьи самого проф. К. Шмитта он сообщал, что

7. См. современный перевод А. Ф. Филиппова: Шмитт, 2016б: 280–408. Этот перевод сделан по самому последнему прижизненному изданию брошюры «Понятие политического».

8. В современном переводе Ю. Ю. Коринца: «Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризованные теологические понятия» (Шмитт, 2016б: 34). Заметим, что такая формула до некоторой степени могла напомнить Ф. И. Капелюшу утверждение Ф. Энгельса и К. Каутского, что «классическим мирозерцанием буржуазии» является «юридическое миросо-

в ней «затрагиваются также вопросы о демократии и парламентаризме, о либерализме и демократии. Понятие политического Шмитт выводит из борьбы; в этом смысле он оспаривает за либерализмом политический характер, так как либерализм превращает борьбу (в экономической области) в конкуренцию» (Капелюш, 1928: 206–207).

Полагаем, что советский читатель мало чего мог вынести для себя из такого более чем лапидарного изложения «Понятия политического»: Капелюш практически проигнорировал рассуждения о *друге* и *враге*, при этом не посчитав за необходимое подвергнуть критике идеи К. Шмитта, похоже, его больше интересовали связи последнего с социологией религии М. Вебера. Итак, в 1928 году на страницах главного философского журнала СССР Шмитт отнюдь не представлялся врагом. Скорее, он оказывался среди авторов, у которых раннесоветский марксист мог обнаружить интересные и не вызывающие однозначного отторжения мысли.

Безусловно, только указанными авторами круг людей, связанных с СССР, читавших работы К. Шмитта и высказывавшихся о них, не ограничивается. В 1920-е годы Москва была одним из важных центров притяжения для симпатизировавших большевикам левых, которые могли с разной степенью интенсивности включаться в интеллектуальную среду Советской России. Кто-то из них — вспомним непродолжительный визит (по)читателя «Политической теологии» Шмитта В. Беньямина зимой 1926–1927 года — мог остаться практически незамеченным. Другие же, наоборот, весьма успешно интегрировались, как, например, известный венгерский марксист Д. Лукач (1885–1971). Последний не только с начала 1920-х гг. регулярно бывал в Москве, но и активно публиковался в советских изданиях, включая «Вестник Социалистической академии». В 1928 году в Германии Лукач опубликовал положительный отклик на второе издание «Политического романтизма», где, как и Ильинский, пожурил Шмитта за недостаточное использование классового анализа. Он, по мнению Лукача, «останавливается на такой мутной и пустой всеобщности, как „буржуазный“ <...> не исследовав подробнее особое историческое положение, внутреннее расслоение буржуазии в тогдашней Германии, не затронув вопрос о том, *какой слой* представляли немецкие романтики, *какому общественному бытию* соответствует структура их мышления» (Лукач, 2015: 460)⁹. Кроме того, и Лукач, и Шмитт были участниками созданного в Германии осенью 1931 года Общества по изучению советского планового хозяйства (Дмитриев, 2000). Работы Лукача были известны комакадемовским правоведам, не говоря о философах. Тем же П. И. Стучкой в 1930 году упоминалась работа Лукача 1923 года «Овеществление и сознание пролетариата»¹⁰, «тракующая вскользь и вопрос о праве и субъекте права» (Стучка, 1930: 7). Иное дело, что клеймо «ревизиониста» и «уклониста», ко-

---

зерцание», которое «представляло собой секуляризованное теологическое мирозерцание. Место догмы, божественного права заняло человеческое право, место церкви заняло государство» (Энгельс, Каутский, 1923: 52).

9. См. также: Lauermann, 1993; Essbach, 1995; Филиппов, 2000: 285.

10. Вышедшая на русском языке глава книги «История и классовое сознание».

торое Лукач получил в ходе политико-философских споров 1920-х годов (см.: Стыкалин, 2001: 54–80), явно не способствовало его популярности, в связи с чем не следует преувеличивать значение его работ для того же советского правоведения. Например, на страницах «Революции права» в 1927 году один из ведущих комакадемовских теоретиков права И. П. Разумовский (1893–1939) специально указывал на «небезызвестные ревизионистские построения Г. Лукача» (Разумовский, 1927: 67). Тем не менее присутствие Лукача в интеллектуальной советской среде 1920-х годов было немаловажным фактом, который также мог способствовать известности шмиттовских работ в СССР.

Рассмотренные выше публикации показывали, что советские марксистские правоведы и философы разной степени ортодоксальности в ситуации теоретических поисков 1920-х годов могли не просто интересоваться работами К. Шмитта, часть из них была готова обсуждать его идеи публично, в том числе даже соглашаясь с какими-то наблюдениями, пусть при этом и критикуя автора за неполное овладение классовым подходом. В связи с этим неудивительно, что бывший «любимец партии» Н. И. Бухарин (1888–1938), сохранявший к 1933 году остатки авторитета большевистского теоретика, в рассуждениях о диктатуре не посчитал зазорным сделать такое заявление, сопровождаемое ссылкой на Шмитта: «Диктатура вообще, и диктатура пролетариата в частности, кроме единодержавия класса, включает особый момент несвязанности даже своими собственными законами; она сама, в силу особых условий „заповедей момента“, известной „Notlage“ диктует целесообразные с точки зрения своих задач действия; она прежде всего решает». При этом Бухарин считал, что шмиттовские *рассуждения* о диктатуре «много выше, чем трактовка той же проблемы» у Г. Кельзена (Бухарин, 1933: 92). Итак, шмиттовское *решение* для теоретика большевизма в плане правовой теории пришлось столь же по душе, как до этого другим советским авторам шмиттовская ориентация на *действительность* и критика парламентаризма, либерализма и нормативизма.

Можно вновь только догадываться, как бы далее развивалось восприятие работ К. Шмитта в СССР, какие элементы и отдельные наблюдения были бы инкорпорированы в советскую политико-правовую теорию, если бы не события 1929 года в СССР и 1933 года в Германии. В конце 1929 года был окончательно разгромлен так называемый правый уклон, после чего началась все усиливающаяся сталинизация политики в СССР, которая все больше и больше сужала рамки для интеллектуальных высказываний. Составной частью сталинизации, оказавшей негативное влияние на интеллектуальную атмосферу, стал и Большой террор, во время которого была уничтожена немалая часть раннесоветских теоретиков в общественных и гуманитарных науках, включая правоведение. Как результат, к концу 1930-х годов от жарких споров 1920-х годов практически не осталось и следа, а главным интеллектуальным достижением была объявлена «История ВКП(б). Краткий курс» (1938), ставшая своеобразной «библией сталинизма». При этом в государственно-правовой теории к середине 1930-х годов фактически утвердился советский ва-

риант нормативизма, глашатаем которого стал А. Я. Вышинский (Денисенко, Сухинин, 2017). Серьезное влияние оказал и приход к власти в Германии в 1933 году нацистов, которых, как известно, в итоге поддержал Шмитт. После этого страны с буржуазными парламентарными демократиями превращались в потенциальных союзников в борьбе с нацизмом. Раз так, то шмиттовская критика нормативизма и парламентаризма фактически утрачивала актуальность, а сотрудничество Шмитта с нацистами превращало его в принципиального интеллектуального врага. Однако даже в таком непростом политическом контексте имя Шмитта отнюдь не исчезло со страниц работ советских авторов, однако теперь стали иначе расставляться акценты.

В 1934 году член Московской коллегии защитников с солидным дореволюционным опытом адвокатской работы А. Е. Брусиловский, который, кстати, имел возможность в 1930-е годы не просто встречаться, а и обсуждать вопросы правовой теории фашизма со своим коллегой по адвокатуре И. Д. Ильинским¹¹, опубликовал рецензию на вышедшую в 1933 году третью редакцию «*Der Begriff des Politischen*» К. Шмитта¹². Название этого сочинения для советского читателя было переведено как «Сущность политики». Самые первые предложения этой рецензии настраивали на сверхкритический лад: «Проф. Карл Шмитт принадлежит к той части германской профессуры, которая в благодарность за то, что она сохранила свои кафедры, спешит выразить свои верноподданнические чувства фашистскому правительству». Переходя к анализу работы немецкого юриста, Брусиловский писал: «Государствовед по специальности, Шмитт в своей книге касается острой и интересной темы о сущности политики и пытается разрешить поставленную проблему в националсоциалистическом духе». При этом Брусиловский указывал: «Как все наймиты, он идет дальше того, что считают необходимым по дипломатическим и демагогическим раскрыть его хозяева. Вот почему откровенная проповедь фашистской империалистической экспансии <...> возведение агрессии в фактор метафизического и „извечного“ значения вызвали некоторое смущение даже в рядах сторонников фашизма, и книга подверглась критике на страницах германской фашистской печати. В этом отношении Шмитт разделил судьбу О. Шпенглера» (Брусиловский, 1934: 24).

После инвектив А.Е. Брусиловский так начал изложение сути «*Der Begriff des Politischen*»: «Понятие политики Шмитт пытается без остатка растворить в анти-тезе „враг — друг“. Политика, по мнению Шмитта, отталкивается от идеи „врага“,

---

11. В 1936 г. в Институте уголовной политики в Москве состоялось обсуждение доклада А. Е. Брусиловского «об основах итальянского судопроизводства и судопроизводства», во время которого выступил И. Д. Ильинский. Последний, «соглашаясь с лоскутным, демагогическим и несамостоятельным характером фашистской концепции „государства“, находит, что докладчик недостаточно подчеркнул эту несамостоятельность, а равно не вскрыл тех источников, из которых различные стороны в построении этого понятия». Ильинский указал на влияние идей Н. Макиавелли на фашистскую концепцию государства в Италии, а также что Брусиловский «недостаточно подчеркнул неохристианство Джентиле и не дал сравнительного анализа философии Джентиле и Кроче» (В Институте, 1936: 51–52).

12. См., в частности, о третьей редакции: Майер, 2012: 13–15.

оформляется в порядке нахождения и выявления врага. Категория „враг — друг“ приобретает у Шмитта метафизический и „извечный“ характер, подобно другим метафизическим антитезам: добра и зла в области морали, красоты и безобразия в области эстетики, пользы и вреда в хозяйственной сфере». И затем, словно бы опомнившись, рецензент заявлял читателю: «Шмитт умалчивает, что его построения относятся не к государству „вообще“. Существование и политику пролетарского государства Шмитт игнорирует. Он ничего не говорит о мирной политике советского государства, о построении бесклассового общества, о марксистской теории отмирания государства» (Брусиловский, 1934: 24). Что ж, без такого комментария в государстве, которое демонстрировало всевозрастающую мощь аппарата насилия и где борьба с врагами народа в скором времени приобретет характер конвейера, у читателя могли возникнуть ненужные ассоциации. Впрочем, стоит полагать, и с таким комментарием они возникали...

Продолжая излагать рассуждения Шмитта, Брусиловский писал: «По мнению Шмитта, не существует мирной политики: всякая политика направлена на выявление и уничтожение врага», — в связи с чем переходил к описанию логики войны, ведь «„в понятие ‘враг’ входит неизбежным элементом понятие вооруженной борьбы, т. е. войны“». Брусиловский подчеркивал: «Война, утверждает Шмитт, присуща самой природе человека, она имманентна политике, которая всегда является политикой воинствующей. <...> „Война, с точки зрения политики, — понимание ситуации и умение отличить врага от друга“». Отталкиваясь от этого, по мнению Брусиловского, Шмитт переходил к важности для государства «различить врага»: «Для того чтобы политика оказалась на высоте этой задачи, государство должно быть унифицированным. Должен быть „обезврежен“ внутренний враг (на уничтожение его Шмитт... не рассчитывает, недаром враг — „вечная категория“). Государство должно стать тотальным государством. „Человек целиком растворяется в политике, когда государство приобретает черты тотальности. Политика отныне становится его судьбой“» (Брусиловский, 1934: 24–25).

Затем рецензент указывал на критику Шмиттом либерализма и *плюралистического государства*, в рамках которого «партии возвышались над государством и народом, когда господствовал примат внутренней политики». Отнюдь не выступая сторонником многопартийной системы, Брусиловский тем не менее не был готов присоединиться к шмиттовской критике: «Мы... не берем под свою защиту ни лицемерие либеральных доктрин, ни Версальский договор, ни те лозунги, которыми Антанта прикрывала в мировой войне свои хищнические вождедения. Однако у Шмитта эта критика носит другой характер — характер обоснования столь же циничной агрессии и империализма германского фашизма». В конце концов, «фашистское государство антигуманитарно и антилиберально», а «Шмитт яростно критикует либеральные теории за то, что они выдвигают понятие человечества» (Брусиловский, 1934: 25).

Таким образом, шмиттовские идеи в СССР после 1933 года представлялись уже не симптомами грядущего кризиса, а элементами реакционной фашистской поли-

тики. В части же критики современного буржуазного государства и права Шмитт превращался из ситуативного союзника, пусть и с большим количеством оговорок, в настоящего, принципиального врага. И здесь показательно отмежевание от шмиттовской критики либерализма во имя понятия «человечества», равно как и приглушение классово-риторической риторики, которая также имела свои вопросы к «единому человечеству» либерализма. Это вполне соответствовало формирующейся новой логике внешней политики СССР, направленной на создание системы «коллективной безопасности» в Европе и поддержке «народных фронтов». И именно в политическом контексте борьбы с фашизмом наступает своеобразный звездный час К. Шмитта в СССР.

В конце 1934 — начале 1935 года в секции по изучению государственного устройства буржуазных стран Института советского строительства и права Комкадемии (который возник в 1929 году после слияния Института советского строительства Комкадемии с секцией общей теории права и государства Комкадемии и в который в 1930 году был влит Институт советского права РАНИОН, после чего он превратился в главный центр советского правоведения) были заслушаны на немецком языке два доклада *т. Поллака*: «1) Конституционное законодательство германского фашизма; 2) Карл Шмитт как теоретик германского фашизма» (Либман, 1935: 43). *Т. Поллак* — это Карл Полак (Karl Polak, 1905–1963), которому советские редакторы в 1935 году почему-то добавили лишнюю л в фамилию. Он был германским юристом, изучавшим право в Гейдельберге, Мюнхене и Франкфуртена-Майне, где по завершении учебы в 1929 году он сдал первый государственный юридический экзамен (Referendarexamen), после чего стал стажером (Referendariat) при апелляционном суде в Берлине. В перспективе он должен был сдать второй экзамен, который бы открыл перед ним возможность занятия судейской должности, однако в 1933 году Полака отчислили из стажеров из-за еврейского происхождения. В том же году он защитил в университете Фрайбурга диссертацию «Исследования по экзистенциальной теории права» («Studien zu einer existenzialen Rechtslehre») под руководством профессора Э. Вольфа. На Вольфа, как и на диссертацию Полака, довольно существенное влияние оказала философия М. Хайдеггера. Более того, последний, ставший после прихода к власти нацистов ректором университета Фрайбурга, назначил Вольфа, показавшего определенную симпатию нацизму, деканом юридического факультета. Что же до Полака, то из-за своего еврейского происхождения он был вынужден в итоге эмигрировать в СССР, где жил до 1946 года, работая какое-то время сотрудником Института права АН СССР. После 1946 года он вернулся в Восточную Германию и затем стал одним из авторов конституции ГДР (Howe, 2002). Таким образом, в СССР в 1933 году оказался вполне квалифицированный эксперт по современной германской юриспруденции, который мог дать дополнительные сведения о значении К. Шмитта для немецкого правоведения и политики.

На основе своих докладов К. Полак подготовил две статьи, увидевшие свет уже в 1935 году. Во-первых, журнал «Советское государство», издававшийся как раз

Институтом советского строительства и права Комакадемии, опубликовал статью «Карл Шмитт как теоретик государственного права германского фашизма» (в ней Полак был назван *Полляком*). Во введении Полак информировал читателя, что «Шмитта нельзя назвать старым теоретиком национал-социалистской партии, он примкнул к Гитлеру только после прихода последнего к власти. Он не является также сторонником расизма». Однако затем указывалось, что «термины и обороты, введенные Шмиттом, являются чуть ли не главным арсеналом фашистской государственно-правовой теории в Германии» (Полляк, 1935: 126)¹³.

Полак начинает свой анализ со шмиттовского истолкования закона о чрезвычайных полномочиях от 23 марта 1933 года, которые получало «имперское правительство (во главе с рейхсканцлером Гитлером)», как *новой конституции*. Далее он показывает, как в теоретическом плане Шмитт защищал такую *конституцию*. Для этого «история „буржуазии“ проходит три стадии: от абсолютистского государства XVII и XVIII веков через нейтральное государство XIX века к тотальному государству тождества государства и общества». И именно *тотальное государство* «в состоянии лучше всего обеспечить „уничтожение врага“ и, следовательно, наилучшим образом гарантировать „покой, порядок и безопасность“». Согласно Полаку, «основное изменение в структуре государства проявляется, по Шмитту, в исчезновении дуализма государства и общества, которое само становится властелином». Соответственно, «государство подобного типа, по Шмитту, является тотальным государством; его подданные всецело вовлекаются в государственную жизнь и интересы их полностью растворяются в целях и задачах государства» (Полляк, 1935: 126–129).

Обозначив *политизацию* всех сфер жизни в *тотальном государстве*, которое после 1933 года должно было возникнуть в Германии, Полак вполне логично переходил к специфике шмиттовского *политического*, изложенного в «Der Begriff des Politischen». Развертывая анализ и при этом отмечая связь выводов Шмитта с экзистенциальной философией, «важнейшие представители которой Хайдеггер и Ясперс перешли в настоящее время в лагерь национал-социалистов», Полак указывал, как из различия *друга* и *врага* возникает политическая общность:

Родственные друг другу благодаря своему «экзистенциальному равенству» отдельные индивиды, противостоящие общему врагу, должны, по Шмитту, представлять собой самый тесный человеческий союз. Вопрос о том, в чем именно состоит общность, определяется чисто формально, а именно как наличие общего противника. Подобное объединение друзей, «однородных», союзников является «политическим единством». Внутри этого политического единства могут возникнуть распри и борьба, но возникновение внутри его «экзистенциального конфликта» совершенно исключается, так как для Шмитта «сущность политического единства» заключается в том, что наличие внутри этого единства такой крайней противоположности представляется невозможным.

---

13. Эта статья известна в Западной Европе по ее немецкой публикации 1968 г. (Polak, 1968).

Если же такой конфликт возникает, то единство устанавливается «путем „искоренения внутреннего врага“». И вот здесь появляется *государство*, в руках которого «или олицетворяющих его людей концентрируется вся полнота власти, „возможность вести войну и, следовательно, открыто распоряжаться жизнью людей... возможность требовать от граждан данного государства готовности самим идти на смерть и убивать других“». В связи этим Полак констатировал: «Теория Шмитта, однако, опаснее пустого лепета о принципах вождизма и расизма, так как он искусно придает ей научную видимость. К нему прислушиваются и в других государствах, где буржуазия стоит на пути к фашизму, между тем как теоретиков расизма там высмеивают» (Полляк, 1935: 130–132).

Анализ шмиттовских работ Полак завершил его «Учением о конституции»¹⁴, которое «переведено на испанский язык и, как свидетельствуют анонсы издательства, в ближайшее время будет переведено на японский», т. е. было тем самым сочинением, к которому могли прислушаться в других государствах. Полак, для которого была понятна антиреволюционная направленность шмиттовских рассуждений, делает итоговый вывод: «Ему нужно „монистическое“ государство, т. е. неограниченное ничем единовластие монополистического капитала, лишаящего пролетариат, все трудящиеся массы каких бы то ни было форм самоорганизации. Шмитт „обосновывает“ права фашизма на то, чтобы кровавым террористическим путем расправиться с рабочим движением, которое является для него „продуктом вызванного безответственными элементами упадка авторитета государства“» (Полляк, 1935: 132–135).

К. Полак опубликовал и обзорную статью «Теория государства и права германского фашизма», где наряду с работами других правых авторов рассмотрел шмиттовские идеи. В ней Полак сосредоточился на анализе третьего издания «*Der Begriff des Politischen*», а также «*Über die drei Arten des rechtswissenschaftlichen Denkens*» («О трех видах юридического мышления»)¹⁵, сделав акцент на переходе Шмитта от *децизионизма* к *институционалистскому виду правового мышления*. Этот переход Полак объяснял изменившимся политическим контекстом. Если до 1933 года Шмитт, критикуя нормативизм, фактически атаковал либеральную демократию, то после прихода к власти нацистов актуально стало обоснование установившегося режима: «Уже в ноябре 1933 года, спустя несколько месяцев после прихода Гитлера к власти, Шмитт отказался от децизионистской точки зрения со следующим обоснованием. Он заявил, что децизионизм опасен тем, что может „своею пунктуализацией определенного момента упустить содержащееся в каждом большом политическом движении покоящееся бытие“ <...>. Это „покоящееся бытие“, открытое придворным юристом Гитлера, после того, как последний укрепил свою власть, не может быть, однако, по Шмитту, понято нормативизмом, а лишь третьим „видом научно-юридического мышления“, которое он называет „институционалистским“ или „конкретным мышлением в рамках порядка“». Та-

14. См. современный перевод О. В. Кильдюшова: Шмитт, 2010.

15. См. его современный перевод О. В. Кильдюшова: Шмитт, 2013.

кой *третий тип* в современной Германии в шмиттовской логике, согласно Полаку, вел к возрождению сословного общества (Поллак, 1935: 80–81).

Место К. Шмитту нашлось и в опубликованной в том же 1935 году на страницах «Советского государства» статье будущего члена-корреспондента АН СССР (с 1939 г.) М. А. Аржанова (1902–1960) «Германский фашизм и вопросы конституции» (Аржанов, 1935).

Важно указать, что к середине 1930-х годов в СССР на работы К. Шмитта обратили свой взгляд не только правоведы. В том же 1935 году в «Вестнике Коммунистической академии» Б. Э. Быховский (1901–1980) опубликовал специальный монографический обзор, посвященный исключительно Шмитту. Отметим, что Быховский был весьма примечательной фигурой. «Сумевший получить филологическое и философское образование на грани революционных лет» (Соколов, 2017: 19), он в начале 1920-х годов стал одним из пропагандистов фрейдовского психоанализа, утверждавших его совместимость с марксизмом. В начале 1930-х годов после идеологического осуждения психоанализа в СССР он формально отказался от него и затем смог стать ведущим советским специалистом по западноевропейской философии Нового времени. Как один из основных авторов и редакторов трехтомной академической «Истории философии» (1940–1943), он в 1943 году даже стал лауреатом Сталинской премии.

Б. Э. Быховский так представил Шмитта своим читателям: «Профессор Берлинского университета (с 1933 г.), государственный советник „Третьей империи“ и член „Совета вождя“ пресловутой „Академии немецкого права“, основанной осенью 1933 года. Притом, несмотря на свое гелертерство, он отнюдь не архивный гробокопатель, чуждый живой современности. Карл Шмитт воплощает единство теории и практики. <...> Он — защитник имперского правительства на Лейпцигском процессе, после того как германская буржуазия с помощью полдюжины полицейских превратила столь воспетое социал-демократией здание демократической республики в рассыпанную храмину». Далее Быховский указывал, что «теоретические работы Шмитта, в полной гармонии с его практической деятельностью: понятие суверенитета, понятие диктатуры, борьба против марксизма, критика демократии и парламентаризма и наконец „социология вражды“» (Быховский, 1935: 44). Такого описания было вполне достаточно, чтобы понять, что Шмитт — это важный противник на интеллектуальном фронте, на критику которого стоило потратить усилия.

Как философ советского извода Б. Э. Быховский обратил свою критику прежде всего на теоретико-методологические построения Шмитта, на его социологию, а не на специфику понимания права, как это было у К. Полака. Так, со ссылкой на «Politische Romantik» Быховский считал, что «отправной идеей Шмитта является противопоставление рационального и иррационального (окказионализма) — случайность, индетерминизм, нарушение причинного ряда, вторжение трансцендентных факторов, „магической руки случая“». По Быховскому, в логике Шмитта и рационализм, и окказионализм «по своей природе теологичны, так как „все ос-

мысленные понятия современного государствоведения — секуляризованные теологические понятия“. <...> Если иррационалистические воззрения адекватны теистической теологии, то рационалистическое политическое мышление — аналог деизма». Далее автор постулирует, что Шмитт обратился именно к «критике „политического деизма“». В частности, указав на шмиттовскую работу 1923 года «Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus», он писал, что ее «Шмитт посвящает в значительной мере критике принципов демократии и парламентаризма, которые как раз и являются, по его мнению, наиболее ярким выражением рационалистических политических воззрений, порожденных эпохой Просвещения» (Быховский, 1935: 44, 45). Если рецензент из «Революции права» в 1928 году находил элементы шмиттовской критики парламентаризма убедительными, то Быховский полностью отмежевывался от нее, утверждая: «Критика Шмитта не имеет ничего общего с революционной марксистской критикой классовой природы буржуазной демократии. Вся его игра в дефиниции, выворачивание на все лады опустошенных понятий <...> все это перепевы стародавних мелодий из абсолютистского репертуара, критики буржуазной демократии справа» (Быховский, 1935: 44–45).

Конечно, шмиттовская критика марксизма, по мнению Быховского, была полностью несостоятельна, поэтому он ее решительно отбрасывал, после чего переходил в наступление на социологические построения К. Шмитта. Их Быховский представил читателю так: «Материалистической теории базиса и надстройки Шмитт противопоставляет „социологию понятий“. Исходя из того или иного юридического понятия, следует вскрыть его логическую структуру. Такому же логическому анализу подвергается соответствующая социальная структура». Советский философ подтверждает этот тезис следующим цитированием «Политической теологии»: «Является ли идеальное выражение этой логической основы (der radikalen Begrifflichkeit) отражением социологической (!) действительности, или социальная (!) действительность представляет собой следствие определенного образа мышления — при этом не принимается во внимание. Напротив, следует вскрыть два духовных, но субстанциональных, тождества»¹⁶. В связи с этим Быховский подчеркивал, что хотя Шмитт «порывает с господствовавшим еще недавно в буржуазном обществоведении нормативизмом», он это делает «не для того, чтобы стать на точку зрения научного детерминистического понимания исторических процессов. Он принципиально отказывается от всякого объяснения и ограничивается пресловутым „чистым описанием“» (Быховский, 1935: 48).

Таким образом, по Быховскому, Шмитт противопоставлял *марксистскому учению о социально-экономических формациях* свое видение *истории европейской культуры*. Последняя, указывал Быховский со ссылкой на страницы шмиттовской «речи, произнесенной в Барселоне в 1929 г.», «Das Zeitalter der Neutralisierungen

---

16. В современном переводе: «Тут не важно, является ли при этом идеальное радикальной понятийности отражением социологической действительности или же социальная действительность понимается как следствие определенного вида мышления, а потому также и действия. Напротив, необходимо указать на два духовных, но субстанциональных тождества» (Шмитт, 2016б: 41).

und Entpolitisierungen»¹⁷, представляла «чередование „центральных областей“. Культура каждой эпохи имеет свою „центральную область“, свое средоточие, определяющее духовный облик всей эпохи. Такими „центральными областями“ Шмитт считает для XVI в. религию, для XVII в. — метафизику, для XVIII в. — мораль, для XIX в. — экономику». При этом «самая смена „центральных областей“ представляется Шмитту по ублюдочно-гегельянской схеме: существующая „центральная область“ становится предметом внутренних распрей и борьбы; переход к новой „центральной области“ является переходом в нейтрализующую эти противоречия сферу, служащую основой для единения; новая „центральная область“ в свою очередь повторяет судьбу своей предшественницы» (Быховский, 1935: 48).

После этого Быховский переходит «к самой сердцевине шмиттовской социологии, к его „понятию политического“», указав при этом, что «мутными источниками, откуда черпает Шмитт свою философскую премудрость, являются писания Мартина Хайдеггера и Карла Ясперса». Согласно советскому философу, опиравшемуся на работы «Der Begriff des Politischen» и «Hugo Preuss: Sein Staatsbegriff und seine Stellung in der deutschen Staatslehre» («Гуго Прейсс: его понятие о государстве и его место в немецком государствоведении»), суть этой *сердцевины* такова:

«Что такое политическое?» — ставит вопрос Шмитт. Это понятие, отвечает он, не обозначает определенного содержания, оно не обозначает «никакой особой материи», а может быть присуще любой сфере. «Политическое» выражает лишь «степень интенсивности какой-либо ассоциации или диссоциации». Объединение на почве борьбы с общим врагом (Freund-Feindgruppierung), вражда к которому достигает крайней интенсивности, — таков конститутивный признак политического. Враг при этом понимается «экзистенциально». Вражда не является продуктом объективных антагонистических социальных отношений, а наоборот: сами эти отношения — порождение вражды, коренящейся в духовных субстанциях людей. (Там же: 48)

Понятно, что для Быховского такие идеи представляли «едва прикрытую апологию империалистических войн и фашистского террора» (Там же: 50).

Этим критический анализ не исчерпывался. Быховский специально отмечал, что рассмотренные им работы написаны Шмиттом «до прихода Гитлера к власти». Однако с 1933 года «Шмитту нужно было приспособить свою общефашистскую идеологию к той конкретной форме, в которую вылился германский фашизм», что он и «выполнил в написанных в 1933–1934 гг.» работах «Государство, движение, народ» («Staat, Bewegung, Volk») и «О трех видах юридического мышления». По Быховскому, в последней книге «Шмитт исходит из знакомого нам деления „вечных типов“ мышления». И, «сохраняя это противопоставление, Шмитт выдвигает на первый план противоположность обоих этих типов (рационалистически-нормативистического и окказионалистически-децизионистического) третьему роду мышления — конкретному мышлению на основе принципа порядка и организа-

17. См. современный перевод А. Ф. Филиппова: Шмитт, 2001.

ции». Для немецкого государствоведа «понятие порядка соответствует понятию „институции“. В качестве примеров его Шмитт приводит сословный строй, семью, церковь, трудовой лагерь, государственный аппарат, армию. Выражениями этого типа мышления служат понятия: добрый отец семейства, храбрый солдат, верный своему долгу чиновник». Быховский подобные рассуждения квалифицировал вполне ожидаемо: «Возрождение сословно-иерархической строя с его корпоративностью, культура слепого повиновения и дух прусской казармы — таковы важнейшие устои превозносимого Шмиттом типа мышления» (Быховский, 1935: 50–51). Заключительным аккордом критики в статье было изложение проблемы *вождя* по Шмитту (Быховский, 1935: 52).

Общий вывод монографического обзора работ Шмитта у Быховского звучал так: «Безличному нормативизму и личному децизионизму Шмитт противопоставляет сверхличное мышление, прежнему индивидуализму — тоталитарность, корпоративность, народность. Суть этого противопоставления в борьбе против лозунгов некогда революционной буржуазии: свободы личности, прав человека и гражданина» (Быховский, 1935: 52). Получалось, что после 1933 года нормативизм был не так уж и плох, а в разговоре о буржуазии можно упомянуть и ее бывшие революционные заслуги.

Итак, после 1933 года К. Шмитт для советских авторов превратился из своеобразного «попутчика»/союзника в принципиального идейного противника и прочно занял у правоведов и философов позицию одного из главных фашистских теоретиков государства и права. При этом критики стали делать упор прежде всего на шмиттовских «Понятии политического» и концепции *тотального государства*, а также роли Шмитта в легитимации изменений германской конституции после 1933 года. В то же время, например, шмиттовская «Диктатура» в критических разборах упоминалась довольно глухо. Что же до критики парламентаризма, либерализма и нормативизма, то здесь советские авторы предпочитали отмежевываться от Шмитта, пусть и не высказывая совсем уж жаркого сочувствия данным политическим феноменам. Получалось, что о возможных точках соприкосновения со шмиттовскими идеями следовало либо молчать, либо отрицать их наличие. Все это указывало на однозначный публичный разрыв писавших о государстве и праве с любыми высказываниями Шмитта. Он получил однозначный статус врага, с которым можно было только бороться.

В 1938 году старый большевик И. П. Трайнин (1887–1949), который благодаря покровительству А. Я. Вышинского с конца 1930-х годов превратился в ведущего советского правоведа и в 1939 году стал действительным членом АН СССР, а в 1941 году — директором Института права АН СССР, обрушился на шмиттовское определение суверенитета из «Политической теологии» как на фашистское (Трайнин, 1938: 78–80). Имя К. Шмитта прозвучало и на всесоюзном I Совещании по вопросам науки советского права в 1938 году. На нем с центральным докладом выступал ставший к этому времени главным советским правоведам Прокурор СССР Вышинский, который подверг довольно жесткой критике ряд построений

советских авторов 1920-х годов, связанных с деятельностью П. И. Стучки. В определенной степени это отражало торжество нормативизма в советской теории права, пусть и украшенного классовой риторикой. Сотрудник Института права АН СССР Б. С. Маньковский (1904–1980) во время обсуждения доклада Вышинского заявил, что «вредители растворяли право в политике, трактуя его как форму политики, и тем самым, по существу, вели на путь уничтожения права». И далее он сделал такое сравнение: «Возьмите писания новоиспеченного фашистского „теоретика“ Карла Шмидта с его „теориями“ о политизации права, о том, что право — это форма политики и т. д. Если внимательно подойти к этим писаниям, то можно увидеть, что троцкисты, бухаринцы на нашем теоретическом участке проводили те же самые установки» (Вышинский, 2009: 235–236).

Итак, сколь это не покажется парадоксальным, но критика шмиттовских идей различения в политике *друга* и *врага*, *тотального государства*, примата реальной *политики* над абстрактным *правом* развивалась в то время, когда СССР входил в Большой террор и когда репрессивная мощь государственного аппарата достигла своего пика. Конечно, в этом можно усмотреть известное лицемерие эпохи, когда принятие «самой демократической конституции в мире» в 1936 году несколько не ограждало от массовых политических репрессий. Однако стоит полагать, все было сложнее. Советский марксистский проект даже на уровне риторики сохранял универсалистские лозунги освобождения всего человечества, равно как и тезис о будущем, пусть и не скором, отмирании государства (Вышинский, 1939). В этом отношении, несмотря на репрессивные практики, в идейной сфере сохранялись элементы, которые затем будут способствовать демонтажу сталинизма и наступлению Оттепели. Свою роль играла и внешнеполитическая ситуация необходимости поиска союзников среди буржуазных государств для борьбы с наиболее принципиальным врагом — нацистской Германией. У К. Шмитта советские авторы едва ли могли взять элементы положительного политического идеала. Собственно, к концу 1920-х годов Шмитт был прежде всего интересен как критик *буржуазных* порядков. Однако в ситуации середины 1930-х годов для советских авторов на передний план выходит критика работ самого Шмитта.

Международные события 1939 года, связанные с заключением Договора о ненападении между СССР и Германией и с началом Второй мировой войны, на время сделали такую критику К. Шмитта в СССР неактуальной. Более того, появилась возможность написать о нем в нейтральном тоне, как это было в 1940 году на страницах «Советского государства и права» (до 1939 — «Советское государство») в обзоре номера от 1 октября 1939 года немецкого юридического журнала «Zeitschrift der Akademie für deutsches Recht», содержавшего статью Шмитта «*Inter pacem et bellum nihil medium*» (Л. П., 1940: 128). Кроме того, в опубликованной в том же году статье Полака о буржуазной теории уголовного права Шмитт упоминался как сторонник идей, которые подготовили «концепцию тотального государства». Однако это упоминание, пусть и со ссылкой на полаковскую статью 1935 года, не содержа-

ло не только выражения *фашистская теория права*, но и прямых выпадов против нее (Полак, 1940: 77–78).

Понятно, что такое нейтральное, промежуточное отношение к Шмитту после 22 июня 1941 года закончилось, и его вернули на позицию теоретика фашизма. Уже в 1941 году Быховский в журнале «Под знаменем марксизма» обрушился на «дипломированных лакеев германского фашизма» от философии, среди которых нашлось место и Шмитту (Быховский, 1941: 95–96).

В послевоенном СССР философы на первых порах продолжали помнить о Шмитте. Так, в 1947 году специалист по диалектическому материализму профессор Ленинградского университета А. П. Маркузе (1897–1959), принадлежавший к первому поколению советских философов (окончил Ленинградский университет в 1926 году), опубликовал статью «Неогегельянство и немецкий фашизм», в которой, помимо прочего, подверг критике взгляды правых немецких авторов Х. Фрайера, О. Шпанна и К. Шмитта. Отметим, что его критика перемежалась с относительно точным изложением ключевых постулатов автора. Например, о шмиттовской *политической теологии* он писал так: «К. Шмитт прямо указывал на свойственную современным буржуазным учениям о государстве „политическую теологию“. По Шмитту, все основные понятия государственных теорий — „секуляризованные“ теологические понятия. Политический смысл требования Шмитта „теологически“ познавать „государственные феномены“, раскрывается со всей ясностью, когда Шмитт, по аналогии с богословским „чудом“, выводит „чудо“ отмены правопорядка, установленного конституцией в момент угрозы „общественной безопасности“». И лишь после этого Маркузе добавлял: «Шмитт, ратуя за фашистский принцип „фюрерства“, неограниченную и безответственную власть фашистского диктатора, применяет теистические аналогии, позволяющие вводить понятие „чудо“, которому в политической жизни соответствует „исключительный случай“ (чрезвычайное и осадное положение) и „абсолютное волеуказание суверена“, не связанное никакими конституционными гарантиями и „самосоздающее новый порядок“, т. е. фашистский режим произвола и несправедливости» (Маркузе, 1947: 123–124). Кроме того, Маркузе не забыл рассмотреть шмиттовское *понятие политического* и связанную с ним концепцию *тотального государства* (Маркузе, 1947: 130–133).

Продолжали помнить о К. Шмитте и правоведы. В обзоре иностранной литературы в «Советском государстве и праве» в 1948 году было помещено указание на брошюру левого немецкого юриста К. Шультерса, в которой «на примере работ нацистских юристов, в первую очередь Карла Шмитта» последний показывал, «как безответственная юриспруденция стала угодливой служанкой фашистских преступников» (Лойко, 1948: 81). В том же году были опубликованы две монографии, посвященные проблематике суверенитета. Автором первой был В. А. Дорогин (1912–1995), сотрудник Минского юридического института, закончивший Ленинградский юридический институт (1933) и успевший к этому времени поработать заведующим кафедрой теории государства Алма-Атинского юридического инсти-

туда (1936–1938) и послужить помощником военного прокурора гарнизона Вильнюса (1944–1947). Вторую написал упоминавшийся И. Д. Левин, который к этому времени стал доктором юридических наук и сотрудником Института права АН СССР. В этих книгах Шмитт занял «почетное» место главного фашистского теоретика суверенитета (Дорогин, 1948: 27–28; Левин, 1948: 62). Такое же место было отведено Шмитту и в учебнике по «Советскому государственному праву» 1948 года, созданном под руководством И. Д. Левина. В нем Трайнин, рассуждая о фашистских государственно-правовых «теориях», упоминал, что одной из них являлась «изобретенная <...> Карлом Шмиттом „теория больших пространств“». Кроме того, В. Ф. Коток (1911–1974), заведовавший сектором государственного права Института права, специально остановившись на «„теории“ тоталитарного государственного управления», сообщал студенту, что «ее сущность в изложении <...> гитлеровского „теоретика“ Карла Шмитта состоит в отрицании каких-либо правовых начал в государственном управлении тоталитарной Германии и в определении права „конкретной ситуацией“, единственным критерием которой служит воля фюрера. Иными словами, ничто и ни в какой мере не ограничивает произвола террористической системы фашистского государственного управления». Что примечательно, далее Коток заявлял: «Аналогичные взгляды на государственное управление, хотя и прикрываемые „демократической фразеологией“, получили распространение в США, в трудах прагматистов и реалистов» (Трайнин, Левин, 1948: 29, 369–370). Итак, начинавшаяся холодная война изменила политический контекст, и союзники по антигитлеровской коалиции оказались противниками. И если в 1920-е годы советские авторы приветствовали шмиттовскую критику западноевропейского парламентаризма и демократии, в 1930-е годы — отмежевались от нее, то во второй половине 1940-х годов они были готовы поместить Шмитта в один ряд с американскими теоретиками права с их «демократической фразеологией».

Однако именно с конца 1940-х годов анализ сочинений Шмитта, пусть и критической направленности, фактически исчезает со страниц советских изданий, так что его имя в 1950–1970-х годах фигурирует лишь в отдельных критических высказываниях (Авдеев, Струнников, 1962: 115–117; Туманов, 1971: 179–180).

Конечно, определенное влияние на это оказала политика «ждановщины» (1946–1953), когда под лозунгами развития критики и самокритики начался очередной виток сталинской идеологической мобилизации. Одним из ее лейтмотивов стала борьба с низкопоклонством перед Западом и космополитизмом, равно как и провозглашение тотального превосходства советской социалистической культуры над культурой буржуазной, что не способствовало развитию интереса к последней. Более того, подобный интерес был даже опасен. Так, А. П. Маркузе, закончивший Великую Отечественную войну в звании майора и за успешное преподавание на фронтовых курсах с 1942 года награжденный в 1945 году орденом Красной Звезды, «был уволен с работы и исключен из партии за то, что „подробно цитировал и излагал высказывания враждебных авторов“», а затем в 1952 году аре-

стован и осужден (Корсаков, 2012: 151). Проработке — за «космополитизм» — подверглись И. Д. Левин и И. П. Трайнин. Последний, лишившись в 1949 году своих основных должностей, в том же году скончался. Тем не менее после сворачивания «ждановщины», последовавшей за смертью И. В. Сталина в 1953 году, интерес к шмиттовским работам проявлялся весьма слабо вплоть до конца 1980-х годов. Вполне возможно, что после «романа» Шмитта с нацизмом в СССР даже в рамках Оттепели едва ли было возможно возобновление обсуждения о том, какие элементы шмиттовских работ совместимы с марксизмом. Шмитт как поверженный противник, похоже, был уже не столь важен, поскольку фашизм после 1945 года лишился статуса главного идеологического противника.

Укажем и на следующий сдвиг в советской интеллектуальной среде. Советские авторы 1920–1930-х годов до определенной степени унаследовали от Российской империи интеллектуальный интерес к Германии и немецкой культуре. Однако к середине 1940-х годов ситуация меняется, в науку приходит новое поколение специалистов, которые в интеллектуальном отношении — от школы и до университета — сформировались исключительно в СССР. И если в той же философии определенная связь сохранялась благодаря тому, что одним из источников марксизма, по В. И. Ленину, являлась немецкая классическая философия, то в правоведении произошел едва ли не полный разрыв. Так, например, еще в 1946 году член-корреспондент АН СССР М. С. Строгович на одном из публичных собраний заявил о существовании в советской юридической науке «промежуточного научного работника»: «Он пишет только на актуальные советские темы. По части преклонения перед буржуазной наукой и культурой он безгрешен по той простой причине, что не имеет о ней понятия, языками не владеет, за литературой не следит»¹⁸. Таким образом, не удивительно, что в позднем СССР и современной России интерес к шмиттовским сочинениям стал культивироваться прежде всего философами и связанными с ними социологами и политологами.

Так или иначе, в СССР в 1920–1940-е годы советские читатели в какой-то мере все-таки были ознакомлены с содержанием ключевых работ К. Шмитта: «Политическим романтизмом», «Диктатурой», «Духовно-историческим положением современного парламентаризма», «Политической теологией», «Понятием политического», «Эпохой политизаций и нейтрализаций», «О трех видах юридического мышления». Их обсуждение до 1950-х годов было частью интеллектуальной жизни СССР. В 1920-е политический контекст позволял авторам разной степени принадлежности к марксистско-ленинской ортодоксии находить точки соприкосновения с идеями Шмитта. Этому способствовала специфика периода Новой экономической политики, допускавшая некоторую свободу высказываний, а также неразработанность оригинальной советской концепции государства и права, равно как отсутствие единственного правильного интерпретатора марксизма, которым станет в 1930-е годы И. В. Сталин. Соответственно, раннесоветские авторы, включая

---

18. АРАН. Ф. 499. Оп. 1. Д. 70. Л. 157 об.

таких важных фигур, как П. И. Стучка и Н. И. Бухарин, использовали некоторые шмиттовские идеи в своих попытках построения советской версии марксистской теории государства и права. Шмиттовские работы импонировали им критикой либерализма, парламентаризма и политического романтизма, равно как правовым обоснованием феномена диктатуры и признанием значения *действительности* в праве. Можно сказать, что в этих случаях раннесоветские авторы в позитивном духе разрешали вопрос о совместимости некоторых шмиттовских рассуждений с левой, марксистской идеей. Иное дело, что как политический контекст, так и общая трансформация советской интеллектуальной среды привели с конца 1940-х к дисконтинуитету в изучении сочинений Шмитта и своеобразному их забвению вплоть до конца 1980-х годов, до того момента, когда в 1987 году был опубликован обстоятельный обзор сотрудника ИСИ АН СССР А. Ф. Филиппова, ставший прорывом в изучении идей К. Шмитта (Филиппов, 1987). Данная публикация фактически оказалась провозвестником волны интереса к шмиттовским идеям, который начинается в России с 1990-х годов, так что его логичнее рассматривать в контексте интеллектуального развития постсоветского периода. И в этом отношении было бы небезынтересно проследить бытование в Советской России работ других ведущих европейских «несоветских» интеллектуалов первой половины XX в., включая и главного шмиттовского оппонента Г. Кельзена. В конце концов, в СССР, несмотря на прошмиттовские симпатии 1920-х годов, в итоге распространение получил именно советский вариант нормативизма (Денисенко, Сухинин, 2017).

Использованные источники

Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 499. Оп. 1. Д. 70.

Литература

- Авдеев Ю. И., Струнников В. Н. (1962). Буржуазное государство в период 1918–1939 гг. М.: ИМО.
- Аржанов М. А. (1935). Германский фашизм и вопросы конституции // Советское государство. № 3. С. 71–81.
- Брусиловский А. Е. (1934). Откровения «ученого фашиста» // Иностранная книга. № 3. С. 24–27.
- Бухарин Н. И. (1933). Учение Маркса и его историческое значение // Бухарин Н.И., Деборин А.М. (ред.). Памяти Карла Маркса: сборник статей к пятидесятилетию со дня смерти. 1883–1933. Л.: Издательство АН СССР. С. 7–99.
- Бухарин Н. И. (1918). Рец. на: В. Ильин (Н. Ленин). Государство и революция // Коммунист. № 1. С. 19.
- Быховский Б. Э. (1935). Карл Шмитт. (Монографический обзор) // Вестник Коммунистической академии. № 7. С. 44–53.
- Быховский Б. Э. (1941). Дипломированные лакеи фашизма (фашизм и философия) // Под знаменем марксизма. № 9–10. С. 90–97.

- В Институте уголовной политики (1936) // Социалистическая законность. № 1. С. 52–55.
- В. К. (1927). Рец. на: И.Д. ИЛЬИНСКИЙ. Введение в изучение советского права, часть I. Индивидуализм в буржуазной юриспруденции. ГИЗ. 1925 // Революция права. № 1. С. 217–219.
- Вышинский А. Я. (1939). Ленин и Сталин о государстве и праве // Советское государство и право. № 1. С. 41–68.
- Вышинский А. Я. (2009). Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права // Вопросы правоведения. № 2. С. 131–278.
- Денисенко В. В., Сухинин А. Ю. (2017). Советский нормативизм как теоретико-правовая парадигма // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. Т. 21. № 3. С. 380–395.
- Дмитриев А. Н. (2000). К истории советско-германских научных и политических связей начала 1930-х гг.: Арплан (немецкое общество по изучению советского планового хозяйства) // Смагина Г. И. (ред.). Немцы в России: Русско-немецкие научные и культурные связи. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 251–272.
- Дорогин В.А. (1948). Суверенитет в советском государственном праве. М.: Высш. парт. школа при ЦК ВКП(б).
- Драбкина Е. Я. (1990). Зимний перевал. М.: Политиздат.
- Ельяшевич Ф. О. (1911). Из иностранных журналов // Журнал Министерства юстиции. № 3. С. 270–285.
- Ильинский И. Д. (1928). От богословия и романтики к диктатуре // Советское право. № 6. С. 122–131.
- Ильинский И. Д. (1932). Республика // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 36. Ч. I. Растение — Речь Посполитая. М.: Русский библиографический институт Гранат. Стб. 549–558.
- Ильинский И. Д. (1936). Автономия // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Первый дополнительный том. Абиссиния — Баренцево море. М.: Русский библиографический институт Гранат. Стб. 47–65.
- Ильинский И. Д. (1936). Административное право // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Первый дополнительный том. Абиссиния — Баренцево море. М.: Русский библиографический институт Гранат. Стб. 213–226.
- К. А. (1929). Институт советского права РАНИОНа // Революция права. № 6. С. 145–149.
- Капелюш Ф. Д. (1928). Архив социальных наук и социальной политики. Ежегодник политической экономии и статистики // Под знаменем марксизма. № 6. С. 196–208.
- Корсаков С. Н. (2012). Политические репрессии в Институте философии (1930–1940-е гг.) // Философский журнал. № 1. С. 120–170.
- Л. П. (1940). Обзор журнала «Zeitschrift der Akademie für deutsches Recht» от 1 октября 1939 г., № 18 // Советское государство и право. № 3. С. 128–131.

- Лазерсон М. Я. (1912). Рец. на: С. Schmitt. «Gesetz und Urteil». Eine Untersuchung zum Problem der Rechtspraxis, Berlin, 1912 // Право. 23 сентября. № 38. Стб. 2041–2043.
- Лапшин К. Н. (2012). Учение о государстве в трудах К. Шмитта. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Левин И. Д. (1948). Суверенитет. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР.
- Левин И. Д. (1991). Шестой план // Мотрошилова Н. В. (ред.). Историко-философский ежегодник. 1991. М.: Наука. С. 271–306.
- Либман Х. Ю. (1935). В Институте советского строительства и права // Вестник Коммунистической академии. № 3. С. 42–44.
- Лойко М. А. (1948). Аннотации иностранной литературы // Советское государство и право. № 10. С. 84–87.
- Лукач Г. (2015). Карл Шмитт: «Политический романтизм» // Шмитт К. Политический романтизм. М.: Праксис. С. 457–460.
- М. Р. (1928). Рец. на: SIEGFRIED MARCK. Marxistische Staatsbejahung. Breslau, S. 39 // Революция права. № 6. С. 145–147.
- Майер Х. (2012). Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. М.: Скимень.
- Маркузе А. П. (1947). Неогегельянство и немецкий фашизм // Вестник Ленинградского университета. № 4. С. 120–134.
- Пензин А., Чехонадских М., Чухров К. (2017). Введение: Античность и современность советского марксизма // Stasis. Т. 5. № 2. С. 298–301.
- Плотниекс А. А. (1978). Становление и развитие марксистско-ленинской общей теории права в СССР. 1917–1936 гг. Рига: Зинатне.
- Покровский И. А. (1916). «Прагматизм» и «релятивизм» в правосудии // Вестник гражданского права. № 5. С. 18–39.
- Полак К. (1940). Учение о составе преступления в буржуазной уголовно-правовой литературе // Советское государство и право. № 12. С. 70–79.
- Поллак К. (1935). Теория государства и права германского фашизма // Вестник Коммунистической академии. № 8. С. 75–81.
- Полляк К. (1935). Карл Шмитт как теоретик государственного права германского фашизма // Советское государство. № 4. С. 126–135.
- Рабинович М. Г. (2005). Записки советского интеллектуала. М.: Новое литературное обозрение.
- Разумовский И. П. (1927). Устряловщина в праве // Революция права. № 1. С. 48–73.
- Росси Е. А. (2008). Человек и общество в социальной философии К. Шмитта. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Великий Новгород: Новгородский государственный университет.
- С. Н. (1928). Рец. на: CARL SCHMITT. Die geistgeschichtliche lage des heutigen Parlamentarismus, Zweite, Auflage, Munchenund Leipzig, 1926 // Революция права. № 6. С. 150–152.
- Соколов В. В. (2017). Философские страдания и просветления в советской и постсоветской России // Философская оттепель и падение догматического марксизма

- ма в России. Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова в воспоминаниях его выпускников. СПб.: Нестор-История. С. 11–83.
- Стучка П. И. (1922). Библиография по теории права и государства // Вестник Социалистической академии. № 1. С. 164–173.
- Стучка П. И. (1927). Курс советского гражданского права. Ч. I. Введение в теорию гражданского права. М.: Коммунистическая академия.
- Стучка П. И. (1930). Наши «разногласия» // Советская юстиция. № 31. С. 7–10.
- Стыкалин А. С. (2001). Дьердь Лукач — мыслитель и политик. М.: Издатель Степаненко.
- Трайнин И. П. (1938). К вопросу о суверенитете // Советское государство. № 2. С. 75–108.
- Трайнин И. П., Левин И. Д. (ред.). (1948). Советское государственное право. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР.
- Туманов В. А. (1971). Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве. М.: Наука.
- Филиппов А. Ф. (1987). Политологические взгляды Карла Шмитта и их влияние на современную западную политическую науку // Шамшурин В.И. (ред.). Философские основания теорий международных отношений. Вып. 1. М.: ИНИОН. С. 59–94.
- Филиппов А. Ф. (2000). Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-пресс-Ц. С. 259–314.
- Шмитт К. (2001). Эпоха деполитизаций и нейтрализаций / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Социологическое обозрение. Т. 1. № 2. С. 48–58.
- Шмитт К. (2005). Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Д. В. Кузнецова. СПб.: Наука.
- Шмитт К. (2010). Учение о конституции (фрагмент) // Шмитт К. Государство и политическая форма / Пер. с нем. О. В. Кильдюшова. М.: ВШЭ. С. 33–236.
- Шмитт К. (2013). О трех видах юридического мышления // Шмитт К. Государство: право и политика / Пер. с нем. О. В. Кильдюшова. М.: Территория будущего. С. 307–355.
- Шмитт К. (2000). Политическая теология / Сост. А. Ф. Филиппова. М.: Канон-пресс-Ц.
- Шмитт К. (2015). Политический романтизм / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Б. М. Скуратова. М.: Праксис.
- Шмитт К. (2016а). Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / Пер. Ю. Ю. Коринца // Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца, А. Ф. Филиппова, А. П. Шурбелева под ред. А. Ф. Филиппова. СПб.: Наука. С. 93–170.
- Шмитт К. (2016б). Понятие политического / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца, А. Ф. Филиппова, А. П. Шурбелева под ред. А. Ф. Филиппова. СПб.: Наука. С. 280–408.

- Энгельс Ф., Каутский К. (1923). Юридический социализм // Под знаменем марксизма. № 1. С. 51–70.
- Essbach W. (1995). Das Formproblem der Moderne bei Georg Lukács und Carl Schmitt // Göbel A., van Laak D., Villinger I. (Hrsg.). *Metamorphosen des Politischen. Grundfragen politischer Einheitsbildung seit den 20er.* Berlin: Akademie Verlag, S. 137–155.
- Howe M. (2002). Karl Polak: Parteijurist unter Ulbricht. Frankfurt am Main: Klostermann.
- Lauermann M. (1993). Georg Lukács und Carl Schmitt — eine Diskursüberschneidung // Jung W. (Hg.). *Diskursüberschneidungen Georg Lukacs und andere.* Bern: Peter Lang, S. 71–86.
- Polak K. (1968). Carl Schmitt als Staatstheoretiker des deutschen Faschismus // Polak K. *Reden und Aufsätze: Zur Entwicklung der Arbeiter-und-Bauern-Macht.* Berlin: Staatsverlag, S. 53–78.

Carl Schmitt in the USSR

Mikhail Kiselev

Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Laboratory of the Interdisciplinary Human Studies, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Address: Sofia Kovalevskaya str., 16, Ekaterinburg, Russian Federation 6209900
E-mail: mihail.a.kiselev@gmail.com

The article is devoted to the problem of the perception in the USSR of C. Schmitt and his works. It is shown that the Russian Empire paid attention to and criticized Schmitt's 1912 work *Law and Judgment*. Soviet readers in the 1920s–1940s were already acquainted with the content of Schmitt's key works such as *Political Romanticism*, *Dictatorship*, *The Historical and Spiritual State of Modern Parliamentarism*, *Political Theology*, *The Concept of Political*, *The Age of Neutralizations and Depoliticizations*, and *On the Three Types of Juristic Thought*, and a discussion of these works was a part of the intellectual life of the USSR in the 1920s–1940s. Moreover, Soviet Marxist-theorists of law, while criticizing Schmitt's ideas, agreed with some of his ideas regarding the criticism of the bourgeois state and law until 1933. However, after 1933, Schmitt's works in the USSR turned into an object of harsh criticism, and he himself was proclaimed a key fascist theoretician of state and law. Since the late 1940s, because of the so-called struggle with "cosmopolitanism", Schmitt's works received less attention. In the 1950s–1970s, Schmitt's works appeared only in some critical statements, and the works of Soviet authors of the 1920s–1940s about Schmitt actually fell into oblivion. A new wave of interest in Schmitt began only in the second half of the 1980s, and his works can already be considered in the context of the intellectual history of modern Russia.

Keywords: Carl Schmitt, USSR, Soviet jurisprudence, intellectual history, I. D. Ilyinsky, Karl Polak

References

- Arzhanov M. (1935) Germanskij fashizm i voprosy konstitucii [German Fascism and Constitutional Issues]. *Sovietskoe Gosudarstvo*, no 3, pp. 71–81.
- Avdeev Y., Strunnikov V. (1962) *Burzhuznoe gosudarstvo v period 1918–1939 gg.* [Bourgeois State in the Period 1918–1939], Moscow: IMO.

- Brusilovsky A. (1934) Otkrovenija "uchenogo fashista" [Revelations of the "Learned Fascist"]. *Foreign Book*, no 3, pp. 24–27.
- Bukharin N. (1918) Rec. na: V. Il'in (N. Lenin). Gosudarstvo i revolucija [Review: V. Ilyin (N. Lenin). State and Revolution]. *Communist*, no 1, p. 19.
- Bukharin N. (1933) Uchenie Marksa i ego istoricheskoe znachenie [Doctrine of Marx and its Historical Significance]. *Pamjati Karla Marksa: sbornik statej k pjatidesjatiletiju so dnja smerti. 1883–1933* [In Memory of Karl Marx: Collection of Articles on the Fiftieth Anniversary of his Death. 1883–1933] (eds. N. Buharin, A. Deborin), Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 7–99.
- Byhovskij B. (1935) Karl Shmitt (Monograficheskij obzor) [Carl Schmitt (Monographic Review)]. *Bulletin of Communist Academy*, no 7, pp. 44–53.
- Byhovskij B. (1941) Diplomirovannye lakei fashizma (fashizm i filosofija) [Certified Lackeys of Fascism (Fascism and Philosophy)]. *Under the Banner of Marxism*, no 9–10, pp. 90–97.
- Denisenko V., Suhinin A. (2017) Sovetskij normativizm kak teoretiko-pravovaja paradigma [Soviet Normativism as Theoretical and Legal Paradigm]. *Bulletin of the RUDN University. Series: Law*, vol. 21, no 3, pp. 380–395.
- Dmitriev A. (2000) K istorii sovetsko-germanskih nauchnyh i politicheskikh svjazej nachala 1930-h gg.: Arplan (nemeckoe obshhestvo po izucheniju sovetskogo planovogo hozjajstva) [Toward the History of Soviet-German Scientific and Political Relations in the Early 1930s: Arplan (German Society for the Study of Soviet Planning Economy)]. *Nemcy v Rossii: Russko-nemeckie nauchnye i kul'turnye svjazi* [Germans in Russia: Russian-German Scientific and Cultural Relations] (ed. G. Smagina), Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, pp. 251–272.
- Dorogin V. (1948) *Suverenitet v sovetskom gosudarstvennom prave* [Sovereignty in Soviet State Law], Moscow: Vyssh. part. shkola pri CK VKP(b).
- Drabkina E. (1990) *Zimnij pereval* [Winter Pass], Moscow: Politizdat.
- Elyashevich F. (1911) Iz inostrannyh zhurnalov [From Foreign Journals]. *Journal of the Ministry of Justice*, no 3, pp. 270–285.
- Engels F., Kautsky K. (1923) Juridicheskij socializm [Legal Socialism]. *Under the Banner of Marxism*, no 1, pp. 51–70.
- Essbach W. (1995) Das Formproblem der Moderne bei Georg Lukács und Carl Schmitt. Metamorphosen des Politischen. *Grundfragen politischer Einheitsbildung seit den 20er Jahren* (eds. A. Göbel, D. van Laak, I. Villinger), Berlin: Akademie Verlag, pp. 137–155.
- Filippov A. (1987) Politologicheskie vzgljady Karla Shmitta i ih vlijanie na sovremennuju zapadnuju politicheskiju nauku [Political Views of Carl Schmitt and their Influence on Modern Western Political Science]. *Filosofskie osnovanija teorij mezhdunarodnyh otnoshenij. Vyp. 1* [Philosophical Foundations of Theories of International Relations, Issue 1] (ed. V. Shamshurin), Moscow: INION, pp. 59–94.
- Filippov A. (2000) Karl Shmitt: rascvet i katastrofa [Carl Schmitt: Rise and Disaster]. Schmitt C., *Politicheskaja teologija* [Political Theology], Moscow: Kanon-press-C, pp. 259–314.
- Howe M. (2002) Karl Polak. Parteijurist unter Ulbricht, Frankfurt am Main: Klostermann.
- Illinsky I. (1928) Ot bogoslovija i romantiki k diktature [From Theology and Romance to Dictatorship]. *Soviet Law*, no 6, pp. 122–131.
- Illinsky I. (1932) Respublika [Republic]. *Jenciklopedicheskij slovar' Russkogo bibliograficheskogo instituta Granat. T. 36. Ch. I. Rastenie — Rech' Pospolitaja* [Encyclopedic Dictionary of the Russian Bibliographic Institute Granat, Vol. 36, Part I: Plant - Polish-Lithuanian Commonwealth], Moscow: Granat, pp. 549–558.
- Illinsky I. (1936) Administrativnoe pravo [Administrative Law]. *Jenciklopedicheskij slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat. Pervyj dopolnitel'nyj tom. Abissinija — Barencevo more* [Encyclopedic Dictionary of the Russian Bibliographic Institute Granat. The first additional volume. Abyssinia — Barents Sea], Moscow: Russkij bibliograficheskij institut Granat, pp. 213–226.
- Illinsky I. (1936) Avtonomija [Autonomy]. *Jenciklopedicheskij slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat. Pervyj dopolnitel'nyj tom. Abissinija — Barencevo more* [Encyclopedic Dictionary of the Russian Bibliographic Institute Granat. The first additional volume. Abyssinia — Barents Sea], Moscow: Russkij bibliograficheskij institut Granat, pp. 47–65.

- K. A. (1929) Institut sovetskogo prava RANIONa [Institute of Soviet Law of the RANION]. *Revolution of Law*, no 6, pp. 145–149.
- Kapelush F. (1928) Arhiv social'nyh nauk i social'noj politiki. Ezhegodnik politicheskoy jekonomii i statistiki [Archive of Social Science and Social Policy. Yearbook of Political Economy and Statistics]. *Under the Banner of Marxism*, no 6, pp. 196–208.
- Korsakov S. (2012) Politicheskie repressii v Institute filosofii (1930–1940-e gg.) [Political Repressions at the Institute of Philosophy (1930–1940s)]. *Philosophical Journal*, no 1, pp. 120–170.
- L. P. (1940) Obzor zhurnala "Zeitschrift der Akademie fur deutscher Recht" ot 1 oktjabrja 1939 g., № 18 [Review of the Journal "Zeitschrift der Akademie fur deutscher Recht" of October 1, 1939]. *Soviet State and Law*, no 3, pp. 128–131.
- Lapshin K. (2012) *Uchenie o gosudarstve v trudah K. Shmitta* [Doctrine of the State in the Works of C. Schmitt] (PhD Dissertation), Krasnodar: Kuban State University.
- Lauermann M. (1993) Georg Lukács und Carl Schmitt — eine Diskursüberschneidung. *Diskursüberschneidungen Georg Lukacs und andere* (ed. W. Jung), Bern: Peter Lang, pp. 71–86.
- Lazerson M. Y. (1912) Review: C. Schmitt. "Gesetz und Urteil": Eine Untersuchung zum Problem der Rechtspraxis, Berlin, 1912. *Law*, no 38, pp. 2041–2043.
- Levin I. (1948) *Suverenitet* [Sovereignty], Moscow: Jurid. izd-vo MJU SSSR.
- Levin I. (1991) Shestoj plan [Sixth Plan]. *Istoriko-filosofskij ezhegodnik. 1991* [Historical-Philosophical Yearbook 1991] (ed. N. Motroshilova), Moscow: Nauka, pp. 271–306.
- Libman H. (1935) V Institute sovetskogo stroitel'stva i prava [At the Institute of Soviet Construction and Law]. *Bulletin of Communist Academy*, no 3, pp. 42–44.
- Loiko M. (1948) Annotacii inostrannoj literatury [Annotations of Foreign Literature]. *Soviet State and Law*, no 10, pp. 84–87.
- Lukács G. (2015) Carl Schmitt: "Politicheskij romantizm" [Carl Schmitt: "Political Romanticism"]. Schmitt C., *Politicheskij romantizm* [Political Romanticism], Moscow: Praxis, pp. 457–460.
- M. R. (1928) Review: SIEGFRIED MARCK. Marxistische Staatsbejahung. Breslau, S. 39. *Revolution of Law*, no 6, pp. 145–147.
- Markuze A. (1947) Neogegel'njastvo i nemeckij fashizm [Neo-Hegelianism and German Fascism]. *Bulletin of Leningrad University*, no 4, pp. 120–134.
- Meier H. (2012) *Karl Shmitt, Leo Shtraus i "Ponjatie politicheskogo": o dialoge otsutstvujushhijh* [Carl Schmitt and Leo Strauss: The Hidden Dialogue], M.: Skimen.
- Penzin A., Chekhonadskikh M., Chukhrov K. (2017) Vvedenie: Antichnost' i sovremennost' sovetskogo marksizma [Introduction: Antiquity and Modernity of Soviet Marxism]. *Stasis*, vol. 5, no 2, pp. 298–301.
- Plotnieks A. (1978) *Stanovlenie i razvitie marksistsko-leninskoj obshhej teorii prava v SSSR. 1917–1936 gg.* [Formation and Development of Marxist-Leninist General Theory of Law in the USSR. 1917–1936], Riga: Zinatne.
- Pokrovsky I. (1916) "Pragmatizm" i "reljativizm" v pravosudii ["Pragmatism" and "Relativism" in Justice]. *Civil Law Bulletin*, no 5, pp. 18–39.
- Polak K. (1940) Uchenie o sostave prestuplenija v burzhuaznoj ugolovnopravovoj literature [Doctrine of the Corpus Delicti in Bourgeois Criminal Law Literature]. *Soviet State and Law*, no 12, pp. 70–79.
- Polak K. (1968) Carl Schmitt als Staatstheoretiker des deutschen Faschismus. *Reden und Aufsätze: Zur Entwicklung der Arbeiter-und-Bauern-Macht*, Berlin: Staatsverlag, pp. 53–78.
- Pollak K. (1935) Teorija gosudarstva i prava germanskogo fashizma [Theory of State and Law of German Fascism]. *Bulletin of Communist Academy*, no 8, pp. 75–81.
- Polljak K. (1935) Karl Shmitt kak teoretik gosudarstvennogo prava germanskogo fashizma [Carl Schmitt as Theorist of State Law of German Fascism]. *Soviet State*, no 4, pp. 126–135.
- Rabinovich M. (2005) *Zapiski sovetskogo intellektuala* [Notes of the Soviet Intellectual], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Razumovsky I. (1927) Ustrjalovshhina v prave [Ustrjalovshhina in Jurisprudence]. *Revolution of Law*, no 1, pp. 48–73.
- Rossi E. (2008) *Chelovek i obshchestvo v social'noj filosofii K. Shmitta* [Man and Society in the Social Philosophy of C. Schmitt] (PhD Dissertation), Velikiy Novgorod: Novgorod State University.

- S. N. (1928) Review: CARL SCHMITT. Die geistgeschichtliche lage des heutigen Parlamentarismus, Zweite, Auflage, Munchen und Leipzig, 1926. *Revolution of Law*, no 6, pp. 150–152.
- Schmitt C. (2000) *Politicheskaja teologija* [Political Theology], Moscow: Kanon-press-C.
- Schmitt C. (2001) Jepoha depolitizacij i nejtralizacij [The Age of Neutralizations and Depoliticizations]. *Russian Sociological Review*, vol. 1, no 2, pp. 48–58.
- Schmitt C. (2005) *Diktatura: ot istokov sovremennoj idei suvereniteta do proletarskoj klassovoj bor'by* [Dictatorship: From the Origin of the Modern Concept of Sovereignty to Proletarian Class Struggle], Saint Petersburg: Nauka.
- Schmitt C. (2010) Uchenie o konstitucii (fragment) [Constitutional Theory (Fragment)]. *Gosudarstvo i politicheskaja forma* [State and Political Form], Moscow: HSE, pp. 33–236.
- Schmitt C. (2013) O treh vidah juridicheskogo myshlenija [On the Three Types of Juristic Thought]. *Gosudarstvo: pravo i politika* [State: Law and Policy], Moscow: Territorija budushhego, pp. 307–355.
- Schmitt C. (2015) *Politicheskij romantizm* [Political Romanticism], Moscow: Praxis.
- Schmitt C. (2016) *Ponjatje politicheskogo* [The Concept of the Political], Saint Petersburg: Nauka.
- Schmitt C. (2016) Duhovno-istoricheskoe sostojanie sovremennogo parlamentarizma [The Spiritual and Historical State of Modern Parliamentarism]. *Ponjatje politicheskogo* [The Concept of the Political], Saint Petersburg: Nauka, pp. 93–170.
- Sokolov V. (2017) Filosofskie stradanija i prosvetlenija v sovsotskoj i postsovsotskoj Rossii [Philosophical Suffering and Insights in Soviet and Post-Soviet Russia]. *Filosofskaja ottepel' i padenie dogmaticheskogo marksizma v Rossii: filosofskij fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova v vospominanijah ego vypusknikov* [Philosophical Ottepel' and the Fall of Dogmatic Marxism in Russia. Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University in the Memoirs of its Graduates]. Saint Petersburg: Nestor-Istoria, pp. 11–83.
- Stuchka P. (1922) Bibliografija po teoriji prava i gosudarstva [Bibliography on Law and State Theory]. *Socialist Academy Bulletin*, no 1, pp. 164–173.
- Stuchka P. (1927) *Kurs sovsotskogo grazhdanskogo prava. Ch. I: Vvedenie v teoriju grazhdanskogo prava* [Course of Soviet Civil Law, Part I: Introduction to the Theory of Civil Law], Moscow: Kommunisticheskaja akademija.
- Stuchka P. (1930) Nashi "raznoglasiya" [Our "differences"]. *Soviet Justice*, no 31, pp. 7–10.
- Stykalin A. (2001) *D'er'd' Lukach — myslitel' i politik* [György Lukács — Thinker and Politician], Moscow: Izdatel' Stepanenko.
- Trainin I. (1938) K voprosu o suverenitete [On the Question of Sovereignty]. *Soviet State*, no 2, pp. 75–108.
- Trainin I., Levin I. (eds.) (1948) *Sovetskoe gosudarstvennoe pravo* [Soviet State Law], Moscow: Jurid. izd-vo MJu SSSR.
- Tumanov V. (1971) *Burzhuaznaja pravovaja ideologija: K kritike uchenij o prave* [Bourgeois Legal Ideology: Toward a Critique of the Doctrines of Law], Moscow: Nauka.
- V. K. (1927) Rec. na: I. D. IL'INSKIJ. Vvedenie v izuchenie sovsotskogo prava, chast' I. Individualizm v burzhuaznoj jurisprudencii. GIZ. 1925 [Review: I. D. Ilyinsky. Introduction to the Study of Soviet Law, Part I. Individualism in Bourgeois Jurisprudence. GIZ. 1925]. *Revolution of Law*, no 1, pp. 217–219.
- Vyshinsky A. (1939) Lenin i Stalin o gosudarstve i prave [Lenin and Stalin on the State and Law]. *Soviet State and Law*, no 1, pp. 41–68.
- Vyshinsky A. (2009) Osnovnye zadachi nauki sovsotskogo socialisticheskogo prava: Doklad na I Soveshhanii po voprosam nauki sovsotskogo gosudarstva i prava [Main Tasks of Science of Soviet Socialist Law: Report at the First Meeting Devoted to Problems of Science of the Soviet State and Law]. *Problems of Jurisprudence*, no 2, pp. 131–278.